

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2025, Том 4, № 3

Подписано к публикации: 19.05.2025

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Бобырева Екатерина Валерьевна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Буряковская Валерия Анатольевна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дреева Джанетта Мурзабековна (РФ, г. Владикавказ) – доктор филологических наук, профессор
Краснощёков Евгений Владиславович (РФ, г. Таганрог) – доктор филологических наук, доцент
Кусова Маргарита Львовна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор филологических наук, профессор
Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна (РФ, г. Казань) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Рамазанова Гюльназ Гилемдаровна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Рогалева Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Халидова Рашидат Шахрудиновна (РФ, г. Дагестан) – доктор филологических наук, профессор
Черкасова Инна Петровна (РФ, г. Люберцы) – доктор филологических наук, доцент
Чеэрчиев Мугума Чеэрчивич (РФ, г. Дагестан) – доктор филологических наук, профессор
Шакирова Резеда Дильшатовна (РФ, г. Набережные Челны) – доктор филологических наук, доцент

«Филологический вестник» включен в перечень ВАК с 23.04.2024г., Elibrary.ru.

Регистрационный номер СМИ: ЭЛ № ФС 77-86731 от 22.01.2024 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2949-4656 (online)

Е-mail: fv-journal@yandex.ru

Сайт: <https://fv-journal.ru>

© Филологический вестник, 2025

Содержание

Терских Т.Ф.

Особенности письменного текста в деловой сфере общения
при обучении иностранных учащихся 4-7

Балута А.А., Балута А.Г.

Особенности употребления конструкций двойного винительного падежа
в истории индоевропейских языков (санскрит, древнегреческий,
латынь, древнерусский) 8-16

Мирзоева Гюнай Тельман гызы

Основные функциональные особенности и своеобразие лексической
метафоры в современной когнитивной лингвистике 17-23

Бахадиванд Ч.З., Ильченко С.Н.

Значение традиционных СМИ в глобальной медиа системе 24-28

Яковлева Е.А.

Структурно-семантические свойства немецких фразеологизмов с временным компонентом 29-35

Гудий К.А., Егорова О.А.

Перевод баллады о любви Владимира Высоцкого на английский
язык в контексте жанровой преемственности 36-41

Ступина Е.С., Шibaева Н.Б.

Лингвокультурологический аспект в методике обучения РКИ: специфика
русского быта как отражение культурных кодов (на примере
рассказа А.П. Чехова «У предводительши») 42-48

Бутенко Е.В.

Функционально-стилистические аспекты биномиальных единиц в кинодискурсе 49-53

Сосновский Д.А.

Функционирование HR-слоганов компаний реального сектора
экономики в медиакоммуникации 54-58

Терских Т.Ф.

Семантизация слов как средство формирования языковой и речевой коммуникативной
компетенции в процессе изучения русского языка как иностранного 59-62

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 3 / 2025, Vol. 4, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.

Особенности письменного текста в деловой сфере общения при обучении иностранных учащихся

¹ Терских Т.Ф.,

¹ Байкальский государственный университет

Аннотация: известно, что особенности письменного текста в деловой сфере общения включают: точность и ясность изложения, достоверность информации, чёткую структурированность, использование устойчивых словосочетаний и нейтральный тон изложения. Кроме этого, в статье сделан акцент на различных видах документов деловой сферы общения, которые требуют знания не только деловых терминов, но и языковых клише и формально-логический способ изложения, который вызывает затруднения у иностранных учащихся при освоении ими делового стиля русского языка как иностранного. В статье представлены средства связи смысловых единиц в деловом письменном тексте, показано, с помощью каких средств реализуется структурная соотнесённость между предложениями при цепной связи.

Ключевые слова: деловая сфера общения, письменный текст, договор, коммерческое письмо, цепная связь

Для цитирования: Терских Т.Ф. Особенности письменного текста в деловой сфере общения при обучении иностранных учащихся // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 3. С. 4 – 7.

Поступила в редакцию: 3 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 19 мая 2025 г.

Features of written text in the business sphere of communication when teaching foreign students

¹ Terskikh T.F.,

¹ Baikal State University

Abstract: it is known that the features of written text in the business sphere of communication include: accuracy and clarity of presentation, reliability of information, clear structuring, the use of stable phrases and a neutral tone of presentation. In addition, the article focuses on various types of business communication documents that require knowledge of not only business terms, but also linguistic cliches and a formal logical way of presentation, which causes difficulties for foreign students when they master the business style of Russian as a foreign language. The article presents the means of connecting semantic units in a business written text, shows by which means the structural correlation between sentences is realized in a chain connection.

Keywords: business sphere of communication, written text, contract, commercial letter, chain communication

For citation: Terskikh T.F. Features of written text in the business sphere of communication when teaching foreign students. Philological Bulletin. 2025. 4 (3). P. 4 – 7.

The article was submitted: February 3, 2025; Approved after reviewing: April 2, 2025; Accepted for publication: May 19, 2025.

Введение

К письменным текстам деловой сферы общения можно отнести различные виды документов, писем, которые «отражают различные стороны деятельности организации, имеют правовую значимость и унифицированное оформление» [1]. В них функционирует нейтральная, книжно-официальная лексика и специальная лексика, причем последняя является одним из основных лексических маркёров официально-делового стиля речи. Сюда могут быть включены коммерческие термины, термины и клише из области маркетинга, менеджмента, различных отраслей экономики. Многие термины структурно оформлены как словосочетания. В синтаксисе преобладают простые, чаще двусоставные, распространенные предложения, осложненные причастными и деепричастными оборотами, предложно-падежными конструкциями.

Материалы и методы исследований

С точки зрения текстовой организации материала устанавливаются три группы документов, близких по жанровым характеристикам:

- Договорные документы (соглашения, контракты, договоры, где «договор, как юридический факт, наряду с другими функциями, выполняет функцию обеспечения перехода прав и обязанностей сторон» [7, с. 176-183] и т.п.);
- Стандартизованные типовые документы (транспортные, страховые, санитарные, расчетные, таможенные и др.);

Деловая переписка (письма, электронная почта, рассылки, документооборот, общение в мессенджерах). Деловая переписка может содержать и другие виды писем, например, претензии, требования, условия, поздравления и другие. Необходимо обращать внимание иностранных студентов при написании деловых писем на русском языке на раскрытие понятия «деловое письмо» [6, с. 145-149].

- Каждому жанру свойственна собственная жесткая архитектура. В качестве примера рассмотрим особенности текстов такого вида деловой документации, как коммерческие письма.

Коммерческое письмо – это особый тип языкового нормирования текста, связанный с его функциональной ориентацией, с его предназначенностью. Существуют свои особые языковые нормы для оформления разных коммерческих писем, свои стандарты. Знание этих стандартов и исполнение стандартных требований необходимо для всех участвующих в деловой переписке.

Специфика смыслового содержания служит одной из основных характеристик текста. Так,

например, в области внешнеэкономической деятельности, внешней торговли существует единая исходная тема, на основе которой вырабатываются документы. Анализ композиционно-смысловой структуры текстов позволяет выявить следующие постоянные единицы информации:

Продавец (экспортёр) – покупатель (импортёр). Грузополучатель (адрес, страна). Адрес для уведомления третьей стороны.

Условия поставки: сведения о транспортировке, число и вид грузовых мест;

Наименование товара, его описание, заказанное количество товара;

Условия платежа: цена за единицу товара, общая сумма, наименование валюты, форма оплаты (наличными, по безналичному расчету, по перечислению и т. д.).

Такая схема форм внешнеторговых документов одобрена Комитетом по развитию торговли Европейской экономической комиссии ООН. Она получила название «Рекомендация №6 Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК ООН) «Формуляр-образец унифицированного счёта для международной торговли» [4].

Смысловая структура текста создается благодаря наполнению его лексическими единицами, сочетающимися в себе связность, последовательность и законченность, подкрепленных набором грамматических конструкций.

Результаты и обсуждения

Каждая единица информации является одновременно и структурной единицей текста. Средства связи этих смысловых единиц текста являются, как правило, лексическими, грамматическими. Соединение смысловых единиц происходит преимущественно по типу цепной связи, главное в которой повтор того или иного члена предложения: подлежащего – подлежащего, дополнения – подлежащего, дополнения – дополнения, обстоятельства – дополнения.

Примеры средства связи смысловых единиц в деловом письменном тексте:

Смысловое зацепление. Логические и смысловые взаимоотношения частей текста. Проявляется на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях. На лексическом уровне – это повторы, на грамматическом – строгое соблюдение правил грамматики, на синтаксическом – индикаторы взаимосвязи предложений (скрепы, языковые индексы или коннекторы).

Смысловое перекрытие. Одна лексическая единица заменяется синонимичной ей или относящейся к ней по смыслу.

Пресуппозиция. Средство имплицитной связности в официально-деловом тексте.

Союзы и союзные слова. Помогают точно определить те или иные смысловые отношения. Например, в устной деловой речи используются союзы ...не только, но и...

Например:

– Значит, цены на лес возросли.

– Не только на лес, но и промышленности, в сельском хозяйстве оптовые цены в промышленности и выросли в несколько раз.

Наполняемость таких выражений осуществляется благодаря использованию синонимов, местоимений, иногда числительных.

Наиболее надежная и прочная связь между предложениями в текстах официально-делового характера – это лексический повтор, что связано с устойчивостью терминологии, с необходимостью однозначного выражения смысла.

Цепная связь – вид межфразовой связи в сложном синтаксическом целом в тексте.

Полная связь как способ соединения предложений соответствует специфике научного мышления, когда «мысль развивается линейно, последовательно, где каждое последующее предложение развивает предшествующее, как бы вытекает из него» [3].

Рассмотрению специфики структуры и языкового оформления деловых писем в деловой сфере общения посвящены работы китайских исследователей, где приводятся способы языкового выражения в русской и китайской деловой речи [3, 6, 8].

Структура делового сообщения как в письменной, так и в устной форме при цепной связи содержит одни и те же средства:

Повторение несколько раз одного и того же слова, чаще всего существительного.

Употребление местоимений – например, «регламенты – они».

Использование синонимов – «железнодорожный транспорт – железнодорожные вагоны – поезда».

Соединение смысловых единиц по типу цепной связи может происходить в телефонном общении.

Пример цепной связи в телефонном диалоге между представителями фирм:

– У нас к Вам конкретное предложение. Мы хотим приобрести у Вас партию древесины.

– Это хорошая новость. Я думаю, наши переговоры будут успешными. Вас интересуют цены по экспорту?

– Да, мы хотели бы ознакомиться с ценами по экспорту древесины.

– Вы знаете, что из-за инфляции существующие цены не соответствуют номинальной стоимости товара.

– Да. А как насчет договорных цен?

– Все зависит от объема продаж и от роста цен на услуги.

В этом примере каждое последующее предложение раскрывает смысл предыдущего. Далее деловой разговор оформляется в деловое письмо, в котором цепная связь может также выражаться через полный, местоименный или синонимичный повтор.

Каждая из единиц информации в композиционно-смысловой структуре такого рода текстов, а также всё многообразие способов их языкового выражения в русской деловой речи могут быть отработаны на уроке.

Выводы

Таким образом, деловые письма – это документы, которые составляются от имени юридического лица и имеют правовую силу. Они обычно пишутся по шаблону и отличаются четкой структурой. В них отсутствуют эмоционально окрашенные фразы и используются строго стандартизированные речевые выражения. Деловые письма оформляют и регистрируют заключение и выполнение коммерческой сделки. Они предваряют составление контракта (договора) и регулируют ход его выполнения. При оформлении деловых писем соблюдается регистрация и фиксация информации, они могут иметь протокольный характер. Все это необходимо объяснять иностранным учащимся при отработке на уроке форм русской деловой речи.

Список источников

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. 472 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Москва Русский язык, 1990. 248 с.
3. Ли Гэнвэй Обучение китайских студентов жанру русского делового письма на занятиях по русскому языку как иностранному (второй сертификационный уровень) <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1742055655&tld=ru&lang=ru&name=CwByvKZMts.pdf&text> (дата обращения: 15.12.24)

4. Путырская Я.В., Чистякова Л.В. Организация документирования процесса аудита. Global and Regional Research. Т. 6. № 2. С. 6 – 13.
5. Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов: учеб. пособие. 4-е изд. испр. Москва: Высшая школа: Инфра-М, 1998. 192 с.
6. Самарцева В.П. Структура современного делового письма на русском и китайском языках. Global and Regional Research. 2022. Т. 4. № 1. С. 145 – 149.
7. Шаров В.П. Об отдельных вопросах реализации договорной ответственности. Global & Regional Research. 2020 Т. 2. № 3. С. 176 – 183.
8. Шелухин Е.А. Китайский для бизнеса. М.: Живой язык, 2013. 128 с.

References

1. Azimov E.G., Shchukin A.N. Dictionary of methodological terms (theory and practice of teaching languages). St. Petersburg: Zlatoust, 1999. 472 p.
2. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and culture: Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language. Moscow Russian language, 1990. 248 p.
3. Li Genwei Teaching Chinese Students the Genre of Russian Business Writing in Classes on Russian as a Foreign Language (Second Certification Level) <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1742055655&tld=ru&lang=ru&name=CwByvKZMts.pdf&text> (Accessed: 15.12.24)
4. Putyrskaya Ya.V., Chistyakova L.V. Organization of Documentation of the Audit Process. Global and Regional Research. Vol. 6. No. 2. P. 6 – 13.
5. Rakhmanin L.V. Stylistics of Business Speech and Editing of Official Documents: Textbook. Manual. 4th ed. corrected. Moscow: Higher School: Infra-M, 1998. 192 p.
6. Samartseva V.P. The structure of a modern business letter in Russian and Chinese. Global and Regional Research. 2022. Vol. 4. No. 1. P. 145 – 149.
7. Sharov V.P. On certain issues of implementing contractual liability. Global & Regional Research. 2020 Vol. 2. No. 3. P. 176 – 183.
8. Sheloukhin E.A. Chinese for business. Moscow: Living Language, 2013. 128 p.

Информация об авторе

Терских Т.Ф., кандидат филологических наук, доцент, Байкальский государственный университет, tirskich@mail.ru

© Терских Т.Ф., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 3 / 2025, Vol. 4, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'367.625.41

Особенности употребления конструкций двойного винительного падежа в истории индоевропейских языков (санскрит, древнегреческий, латынь, древнерусский)

¹ Балута А.А., ¹ Балута А.Г.,
¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: в данной статье рассмотрены особенности структуры и употребления конструкций Двойного Винительного падежа в нескольких древних индоевропейских языках (санскрит, древнегреческий, латынь, древнерусский), а также проведен анализ перевода этих сочетаний на современный русский язык и изучены основные трудности перевода, связанные с различиями древних и новых грамматических систем. По результатам проведенного в статье сравнительно-сопоставительного анализа были выявлены основные структурные особенности конструкций Двойного Винительного падежа в истории индоевропейских языков, от санскрита к древнегреческому, латинскому и древнерусскому языкам; дана характеристика сути грамматических преобразований в структуре таких конструкций в ходе истории русского языка и определены возможные причины постепенного упразднения Двойного Винительного в русском языке и замены этого оборота Творительным предикативным. Также удалось установить, что для перевода некоторых конструкций Двойного Винительного падежа с санскрита на русский язык далеко не всегда подходит Творительный падеж современного русского языка, при переводе целесообразнее использовать описательные обороты, сохраняющие и передающие основную идею исходного значения. Установлено, что ведическом санскрите отмечается более низкая частотность употребления оборотов Двойного Винительного, чем в классическом санскрите, что может служить доказательством постепенного укрепления номинативной основы санскрита. В противоположность этому обстоятельству также отмечена неспособность русского языка к сохранению при переводе и широкому употреблению большинства конструкций с Винительным падежом, в частности, конструкций Двойного Винительного, их пассивного варианта Двойного Именительного, что является одним из доказательств нашей гипотезы о древней эргативной основе русского языка. С течением времени обороты Двойного Винительного в русском языке постепенно вытесняются конструкциями с Творительным предикативным.

Ключевые слова: палеоперевод, обороты Двойного Винительного, санскрит, древнегреческий, латынь, древнерусский

Для цитирования: Балута А.А., Балута А.Г. Особенности употребления конструкций двойного винительного падежа в истории индоевропейских языков (санскрит, древнегреческий, латынь, древнерусский) // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 3. С. 8 – 16.

Поступила в редакцию: 4 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 19 мая 2025 г.

Features of the use of Double Accusative case constructions in the history of Indo-European languages (Sanskrit, Ancient Greek, Latin, Old Russian)

¹ Baluta A.A., ¹ Baluta A.G.,
¹ Federal State University of Education

Abstract: this article examines the features of the structure and use of Double Accusative case constructions in several ancient Indo-European languages (Sanskrit, Ancient Greek, Latin, Old Russian), as well as analyzes the translation of these combinations into modern Russian and examines the main translation difficulties associated with the differences between ancient

and new grammatical systems. Based on the results of the comparative analysis carried out in the article, the main structural features of the Double Accusative case constructions in the history of Indo-European languages, from Sanskrit to ancient Greek, Latin and Old Russian, were identified; Russian language describes the essence of grammatical transformations in the structure of such constructions in the course of the history of the Russian language and identifies possible reasons for the gradual abolition of the Double Accusative in the Russian language and the replacement of this turnover with a Creative predicative one. Russian scholars have also found that the Creative case of modern Russian is not always suitable for translating some constructions of the Double Accusative Case from Sanskrit into Russian. When translating, it is more appropriate to use descriptive phrases that preserve and convey the basic idea of the original meaning. It has been established that Vedic Sanskrit has a lower frequency of using Double Accusative turns than classical Sanskrit, which may serve as evidence of the gradual strengthening of the nominative basis of Sanskrit. Russian is also noted to be unable to preserve the majority of constructions with the Accusative case during translation and widespread use, in particular, constructions of the Double Accusative, their passive variant of the Double Nominative, which is one of the proofs of our hypothesis about the ancient ergative basis of the Russian language. Over time, the turns of the Double Accusative in Russian are gradually replaced by constructions with a Creative predicative.

Keywords: paleo translation, Double Accusative turns, Sanskrit, Ancient Greek, Latin, Old Russian

For citation: Baluta A.A., Baluta A.G. Features of the use of Double Accusative case constructions in the history of Indo-European languages (Sanskrit, Ancient Greek, Latin, Old Russian). *Philological Bulletin*. 2025. 4 (3). P. 8 – 16.

The article was submitted: February 4, 2025; Approved after reviewing: April 5, 2025; Accepted for publication: May 19, 2025.

Введение

Выбор темы статьи определен необходимостью детального изучения особенностей предложно-падежных форм в древних языках с целью установления закономерностей перевода древних синтаксических конструкций на новые языки. Классический санскрит уже в полной мере представляет собой язык номинативной структуры с хорошо развитой системой склонения, где падежная парадигма, как и в иных языках номинативного строя, представлена Именительным и Винительным падежами, а также рядом косвенных падежей. При этом Винительный падеж, следуя общеиндоевропейской традиции, является, прежде всего, падежом прямого объекта. Однако в древних языках, более близких к паратаксису и более синтетичных по своей структуре, можно отметить высокую частотность употребления таких конструкций, которые в грамматиках принято называть *двойными падежами*. Количество двойных падежных конструкций варьируется в каждом языке в зависимости от его грамматических особенностей, в частности, от наличия тех или иных косвенных падежей. Однако следует отметить, что древние конструкции с двойными падежами обладают рядом общих особенностей, которые можно сформулировать в виде определенного алгоритма, удобного для использования при переводе текстов с древних на новые языки [1, с. 6]. В настоящей статье будут рассмотрены особенности структуры и употребления конструкций Двойного Винительного падежа в нескольких древних индоевропейских языках (санскрит, древнегреческий, латынь, древнерус-

ский), а также проведен анализ перевода этих сочетаний на современный русский язык и изучены основные трудности перевода, связанные с различиями древних и новых грамматических систем.

Цель статьи – выявить основные структурные особенности конструкций Двойного Винительного падежа в истории индоевропейских языков, от санскрита к древнегреческому, латинскому и древнерусскому языкам; охарактеризовать суть грамматических преобразований в структуре таких конструкций в ходе истории русского языка, определить возможные причины постепенного упразднения Двойного Винительного в русском языке и замены этого оборота Творительным предикативным.

В классическом *санскрите* конструкции Двойного Винительного падежа встречаются достаточно часто. При этом один Винительный может обозначать лицо, на которое направлено действие, а второй – объект действия. Или первый Винительный обозначает объект действия, а второй – состояние, в которое переходит объект. Смысловых оттенков может быть множество, но в структурном отношении все они сводятся к упрощенной схеме, соответствующей стандартам конструкции Двойного Винительного в общеиндоевропейской традиции: *делать кого кем* или *что чем*. При этом второй Винительный переводится на русский язык обычно Творительным падежом:

“anāisid *rākṣasān kṣajam*” «он ввёл ракшасов в гибель (=сделал ракшасов погибшими)» [13. 15, 10].

“*çokam çittam avārudhat*” «он замкнул горе в своем сердце (=сделал замкнутым)» [13, 6, 9].

“*anītvā pañkatām dhūlim nā vatiṣṭhate*” «вода не останавливается, пока не превратила пыль в грязь» [17, 2, 34].

“*dhūmāgram dṛṣṭim samādadhat*” «он обратил взор на верх (клубящегося) дыма» [18, II, 102, 27].

Следует сказать, что особенности буквального перевода конструкции Двойного Винительного падежа на современный русский язык определяются, по большей части, особенностями его грамматической системы, в частности, более древней, неноминативной основой русского языка [12, р. 7498], которая в данном случае проявляет себя заменой одной из форм Винительного падежа Творительным. Неспособность русского языка к сохранению при переводе и широкому употреблению большинства конструкций с Винительным падежом, в частности, рассматриваемых в данной статье конструкций Двойного Винительного, их пассивного варианта Двойного Именительного, полупредикативных конструкций Винительный/Именительный с инфинитивом и др. [2, с. 93], является одним из доказательств нашей гипотезы о древней эргативной основе русского языка [12, р. 7498], в которой такие обороты не формировались по причине отсутствия в падежной парадигме форм Винительного и Именительного падежа, а замену Винительного падежа Творительным можно отчасти считать аналогом эргативной конструкции [8, с. 253].

Глаголы, вводящие оборот Двойной Винительный, можно объединить в несколько семантических групп. Приведем примеры наиболее распространенных типов конструкций, которые можно сопоставить с аналогичными явлениями в древнегреческом и латинском:

“*gam*”, “*ava-gam*”, “*gñā*”, “*man*” и др. – «считать кого/кем, что/чем»:

“*agnim manje pitaram agnim āpim agnim bhrātaram*” «Агни считаю своим отцом, Агни считаю своим родственником, Агни считаю своим братом» [22, X, 7, 3].

“*gitam eva tad amene vaçiṣṭham*” «тогда он счел В. побежденным» [18, I, 56, 20].

“*viṣṇum rātam aham manje*” «я считаю Раму (богом) Вишну» [18, VI, 11, 39].

“*idam tu duṣkaram manje*” «я считаю это трудным» [23, IV, 1925].

“*kar*”, “*çar*”, “*dha*” и др. – «делать кого/кем, что/чем»:

“*puro va ime surā imāñi lokān arkata*” «эти асуры сделали эти миры градами (крепостями)» [20. Вр, 17, 10].

“*patiṁ nu me punar juvānaṁ kurutam*” «сделайте мне (вы оба) моего мужа опять молодым» [21, IV, 1, 5, 11].

“*bhasta gulmāñç ça vṛkṣāñç ça sã çakāra*” «кусты и деревья она превратила в пепел» [18, III, 35, 42].

“*ekārṇavam mahīm kṛtvā*” «сделав из земли одно море (крови)» [23, XII, 1186].

“*mitram surgivam kuru*” «сделай Сургиву своим другом» [13, 6, 102].

“*vaç*”, “*vad*”, “*vid*”, “*har*” и др. – «называть кого/кем, что/чем»:

“*mām āhuḥ pṛthivibhugām adhipatiṁ*” «меня называют владыкой царей» [26, 69, 17].

“*tvam kāmīno madanadūtīm udāharanti*” «влюбленные называют тебя вестником бога любви» [26, 63, 9].

“*sevām lagkhavakāriṇīm kṛtadhijah sthāne çvavṛttim viduḥ*” «справедливо умные люди называют охоту грехом» [11, 23, 19].

Существуют и иные по семантике глаголы, вводящие обороты Двойного Винительного, они не входят в общую классификацию, хотя частотность употребления таких конструкций в памятниках санскрита достаточно высока. При этом следует сказать, что ареал санскритских глаголов, вводящих оборот Двойной Винительный, значительно шире, чем ареал подобных глаголов в древнегреческом и латинском языках. Так в ряд управляющих исследуемой конструкцией предикатов санскрита можно включить следующие:

“*agnim dūtam vṛṇīmahe*” «мы избираем (себе) Агни вестником» [22, I, 12, 1].

“*kṣām dadahāra pṛthivīm*” «он нес землю как жилище» [22, I, 67, 3].

“*vṛṣṭim vām radho amṛtatvam imahe*” «умоляю вас обоих о дожде, заступничестве и бессмертии» [22, V, 63, 2].

“*tvām abhajaṁ jaçe*” «прошу тебя о защите (о безопасности)» [23, XII, 3-71].

“*dhenuṁ ça pṛṇim vrṣabham suretasam viçvahā çukram pajo asja dhukṣata*» «из пестрой коровы и из семенистого быка он всегда выдаивал светлый сок» [22, I, 160. 3].

Необходимо отметить, что большая часть конструкций Двойного Винительного в основном трудностей для перевода не представляет. Сложнее поддаются переводу именно те обороты, где два Винительных – это объекты одного и того же глагола, при этом один объект считается главным, а другой второстепенным. Еще одной особенностью таких конструкций является более тесная связь первого Винительного падежа с управляющим глаголом, и таким образом они составляют особый описательный оборот, на базе которого при участии второго объекта и образуется уже

собственно Двойной винительный, например: “*çaraṇaṁ çṛi*” «просить защиты (букв. «идти в защиту»)). Такие конструкции чаще всего употребляются при глаголах со значением «просить кого о чем, говорить кому о чем, учить кого чему, красть у кого что» и др.:

“*prakṣjati gnānino viprān anāvṛṣṭipratikriyām*” «он спросил знатоков браминов о средстве против засухи» [18, I, 8, 13].

“*mātaram sarvabhūtānam prṛcche tvaṁ samṣajam*” «мать всех существ я спрашиваю насчет (какого-то) сомнения» [23, XIII, 2130].

“*devān vā jaç śakṣmā kaçcid āgaḥ*” «если в чем мы провинились перед богами» [22, I, 185, 8].

“*devāḥ samudraṁ sudhām mamanthuh*” «боги взбалтыванием моря добыли нектар» [24, p. 48].

Таким образом, можно заключить, что для перевода конструкций последнего типа, в силу их грамматической и семантической сложности, далеко не всегда подходит Творительный падеж современного русского языка. Они более синтетичны по структуре и смыслу, поэтому при переводе более целесообразными будут описательные конструкции, сохраняющие и передающие основную идею исходного значения.

Материалы и методы исследований

В работе использованы следующие методы лингвистического исследования. Метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод семантико-грамматического анализа, метод сравнительно-исторического анализа текста, который является базовым для изучения определенного грамматического явления в синхронии и диахронии. Для изучения взаимоотношения языковых единиц использованы методы дистрибутивного и трансформационного анализа, а также интроспективный метод.

Результаты и обсуждения

В практической части исследования проводится сопоставительный анализ структуры и способов перевода конструкций Двойного Винительного в санскрите подобными оборотами в древнегреческом, латинском и древнерусском языках.

После детального изучения разных типов конструкций Двойного Винительного в санскрите и после рассмотрения основных способов их перевода следует сказать, что подобные обороты Accusativus Duplex были уже хорошо распространены в древнегреческом и латинском языках [9, с. 125]. В классических грамматиках конструкции Accusativus (а равно и Nominativus) duplex изучены достаточно хорошо и особых трудностей для перевода не представляют [3, с. 123]. По этой причине в настоящем исследовании они будут рассмотрены фрагментарно, в рамках сопоставительного анали-

за, и только для того, чтобы показать, что подобные конструкции действительно существовали и имели достаточно высокую частотность употребления.

“*Δαρεῖος Κῦρον σατράπην ἐποίησε καὶ στρατηγὸν ἀπέδειξε*» «Дарий сделал Кира сатрапом и назначил военачальником» [27, 1, 1, 2].

“*Ἀραῖον ἠθέλομεν βασιλέα καθιστάναι*» «Ариэя мы хотели поставить царем» [27, 3, 2, 5].

“*Οἱ βάρβαροι γὰρ ἄνδρας ἡγοῦνται μόνους τοὺς πλείους δυναμένους φαγεῖν τε καὶ πιεῖν*» «ведь варвары считают мужами только тех, которые могут очень много съесть и выпить» [19, p. 77].

“*Mtsopotamiam fertilem efficit Euphrātes*» «Месопотамию делает плодородной Евфрат» [15, 2, 130].

“*Homines caecos reddit cupiditas*» «людей делает слепыми ярость» [16, 101].

“*Cato nutrīcem plebis Romanae Siciliam nominabat*» «Катон называл Сицилию кормилицей римских плебеев» [14, 2, 5].

“*Parentes carissimos habēre debēmus*» «родителей мы должны считать самыми дорогими людьми» [25, 2].

Таким образом, можно увидеть, что структура древнегреческих и латинских оборотов Accusativus duplex хорошо видна в общей структуре предложения, сами конструкции довольно легко поддаются компонентному анализу и трудностей для перевода на русский язык не представляют. Однако изучение именно таких постых в структурном отношении конструкций позволяет глубже изучить их аналоги в других языках.

В древнерусском языке конструкции Двойного Винительного также были распространены достаточно хорошо, однако, в отличие от санскрита, латыни и древнегреческого, у нас они употреблялись наравне с оборотами, где второй Винительный заменялся Творительными предикативным, поскольку более ранняя эргативная основа древнерусского языка это вполне позволяла. Кроме того, по свидетельству Т.П. Ломтева, второй Винительный в этих оборотах употреблялся менее интенсивно, чем Творительный предикативный [6, с. 213].

При глаголах «назначать, избирать, делать»:

«*Постави Мефодья епископа (-ом) в Панонии*» [5, с. 27].

«*Тѣми епископы постави Киеву митрополита (-ом) Григория Болгарина*» [7, л. 106].

«*Ярополка князя посадиша Володимирци с радостию в городѣ Володимери не столѣ*» [10, с. 374].

«*Одегъ вину положи* (представил виной=основанием) матерню болѣзнь и нача ся про-

сити у Ростислава Чернигову къ отцю» [4, л. 89].

При глаголах «называть, звать, именовать»:

«Поя (же) множество Варягъ, и Словенъ, и Чюдь... си вси *звахуться* отъ Грекъ *Великая Скуфь*» [5, с. 29].

«*Исѣгласивше* (свершена) *бога* и свершена *человѣка* (Господа) нашего Иса Христа» [5, с. 111].

При глаголах владения:

«*Имѣя поспешника* Константина, брата своего, и с нимъ диявола» [7, л. 89].

«Святополкъ *поя собѣ жену* (=женой) *дщерь Тугортоканю князя Половецкаго*» [4, л. 157].

Однако уже в памятниках XVI века частотность употребления Творительного предикативного на место второго Винительного значительно возросла. Вот несколько примеров с Творительным предикативным в конструкциях, аналогичных приведенным выше:

«*Благословилъ мя* патрiархъ Филорей *митрополитомъ* на русскую землю» [7, с. 91].

«Отпусти ю и нарѣкъ ю *дщерью* собѣ» [5, с. 26].

«Слышу же се, яко сестру *имата дѣвою*» [5, с. 107].

Еще большую частотность употребления Творительного предикативного на месте Двойного Винительного можно наблюдать в западнорусских памятниках. А в последствии Творительный предикативный постепенно вытеснил обороты Двойного Винительного. В XVI веке в живом народном языке эти обороты уже практически не употреблялись, и в литературной форме языка также были постепенно упразднены совсем, примерно к XVIII веку.

Выводы

По результатам проведенного в статье сравнительно-сопоставительного анализа были выявлены основные структурные особенности конструкций

Двойного Винительного падежа в истории индоевропейских языков, от санскрита к древнегреческому, латинскому и древнерусскому языкам; дана характеристика сути грамматических преобразований в структуре таких конструкций в ходе истории русского языка и определены возможные причины постепенного упразднения Двойного Винительного в русском языке и замены этого оборота Творительным предикативным. Также удалось установить, что для перевода некоторых конструкций Двойного Винительного падежа с санскрита на русский язык далеко не всегда подходит Творительный падеж современного русского языка. Конструкции санскрита более синтетичны по структуре и смыслу, поэтому при переводе целесообразнее использовать описательные обороты, сохраняющие и передающие основную идею исходного значения. Кроме того, в ведическом санскрите отмечается более низкая частотность употребления оборотов Двойного Винительного, чем в классическом санскрите, что может служить доказательством постепенного укрепления номинативной основы санскрита. В противоположность этому обстоятельству также отмечена неспособность русского языка к сохранению при переводе и широкому употреблению большинства конструкций с Винительным падежом, в частности, рассматриваемых в данной статье конструкций Двойного Винительного, их пассивного варианта Двойного Именительного, полупредикативных конструкций Винительный/Именительный с инфинитивом и др., что является одним из доказательств нашей гипотезы о древней эргативной основе русского языка. С течением времени обороты Двойного Винительного в русском языке постепенно вытесняются конструкциями с Творительным предикативным.

Список источников

1. Балута А.А. Особенности палеоперевода предложно-падежных форм в индоевропейских языках (родительный падеж) // Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода. Переводческие стратегии и тактики: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Москва, ГУП, 07 апреля 2023 г.). Москва: ГУП, 2023. С. 6 – 11.
2. Балута А.А., Епифанцева Н.Г., Михайлов М.К. Изменение синтаксических функций инфинитива в народной латыни // Современный ученый. Белгород. 2022 № 6. С. 92 – 96.
3. Гришечкина А.М., Фурманова М.И. Латинские морфолого-синтаксические структуры как схема-основа для интерпретации и единого терминообразования структур с инфинитивом в современных языках // Вестник филологических наук. Белгород. 2023 Т. 3. № 3. С. 123 – 131.
4. Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. II. В. I. Изд. 3, 1923, 492 с. [Электронный ресурс]. URL: Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Петроград, 1923. Т. II: Ипатьевская летопись, вып. 1.: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (дата обращения: 09.12.2024)
5. Лаврентьевская летопись. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, Изд. Императ. Археогр. Комиссии, СПб, 1910, 274 с. [Электронный ресурс]. URL: Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку – Система онлайн-просмотра (дата обращения: 04.12.2024)

6. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка: монография. М.: Издательство Московского Университета, 1956. 596 с.
7. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов, АН СССР, М.-Л., 1950. 565 с. [Электронный ресурс]. URL: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (дата обращения: 09.12.2024)
8. Патракеев М.М. Проблема типологии эргативности и аномальные конструкции в номинативных языках. СПб.: Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2019. № 194. С. 250 – 256.
9. Солнцева А.В. Романские языки: история формирования и проблемы классификации // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 124 – 133.
10. Суздальская летопись, по Лаврентьевскому списку, П.С.Р.Л.. Т. Вып. II. Изд. II. Л., АН СССР, 1927. [Электронный ресурс]. URL: Полное собрание русских летописей. Том 1. Лаврентьевская летопись. Выпуск Суздальская летопись по лаврентьевскому списку – 1927 (дата обращения: 09.12.2024)
11. Abhignācakuntalam, Kālidāsa's Ring-Çakuntala. Herausgegeben, übersetzt und mit Anmerkungen versehen von Dr. Otto Böhtlingk. Bonn. 1842. [Электронный ресурс]. URL: Kālidāsa's Ring-Çakuntala : Kālidāsa, (ca. 400): Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (дата обращения: 09.12.2024)
12. Baluta A.A., Epifantseva N.G., Mikhailov M.K. Traces Of The Ergative System In The History Of The Russian Language In Comparison With Sanskrit, Latin And Ancient Greek (Based On The Material Of Infinitive Turns)/ Webology (ISSN: 1735-188X) Volume 19, Number 1, 2022 ISSN: 1735-188X. p. 7498. [Электронный ресурс]. URL: 20220329114340amwebology 19 (1)-118 pdf.pdf (дата обращения: 04.12.2024)
13. Bhatti Kavya, a Poem on the actions of Rama. Calcutta, 1828. [Электронный ресурс]. URL: Bhatti kavya; a poem on the actions of Rama ... With the commentaries of Jayamangala and Bharatamallika: Bhaṭṭi. n 88226706 : Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (дата обращения: 14.12.2024)
14. Cicero M.T. Against Verres, 2.1.53–86: Latin Text with Introduction, Study Questions, Commentary and English Translation, London, 1970. 114 p.
15. Cictro M.T. The treatises of M.T. Cicero: On the nature of the gods; On divination; On fate; On the republic; On the laws; and On standing for the consulship. Literally translated chiefly by the editor, C.D. Yonge, B.A. By Cicero, Marcus Tullius; Barham, Francis Foster, 1808-1871, 534 p. [Электронный ресурс]. URL: The treatises of M.T. Cicero: On the nature of the gods; On divination; On fate; On the republic; On the laws; and On standing for the consulship. Literally translated chiefly by the editor, C.D. Yonge, B.A.: Cicero, Marcus Tullius : Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (дата обращения: 09.12.2024)
16. Fuhrmann M. Cicero and the Roman Republic. Rome, 1992. 509 p. [Электронный ресурс]. URL: Cicero and the Roman Republic: Fuhrmann, Manfred: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (дата обращения: 09.12.2024)
17. Çiçupālabadham. Calcutta, 1828. [Электронный ресурс]. URL: Sisupalavadha of Magha 1920 : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 14.12.2024)
18. Ramayana. Poema Indiana di Valmici, ed Gaspare Gorresio. Parigi, 1843. [Электронный ресурс]. URL: Ramayana Poema Indiano Di Valmici Vol-i: Gorresio Gaspare: Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 09.12.2024)
19. The Acharnians of Aristophanes: with introduction, critical notes and commentary. By Rennie, W; Aristophanes. Acharnians. London, 1909, 301 p. [Электронный ресурс]. URL: The Acharnians of Aristophanes: with introduction, critical notes and commentary: Rennie, W: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (дата обращения: 09.12.2024)
20. The Aitareya Brahmanam of the Rigveda. Ed. Martin Hang. Bombay. 1863. [Электронный ресурс]. URL: The Aitareya Brahmanam of the Rigveda: containing the earliest speculations of the Brahmins on the meaning of the sacrificial prayers, and on the origin, performance and sense of the rites of the Vedic religion: Bombay (India: State). Educational Dept: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (дата обращения: 09.12.2024)
21. The Çatapatha-Brāhmaṇa in the Madhyandina-Çākhā with extracts from the commentaries of Sāyaṇa Harisvāmin and Dvidevaganga, edited by Dr. Albrecht Weber. Berlin. London. 1855. [Электронный ресурс]. URL: The Catapatha-brahmana In The Madhyandina Cakha With Extracts From The Commentaries Of Sayana, Harisvamin And Dvivedaganga: Weber, Albrecht, Ed.: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive. (Дата обращения: 09.12.2024)
22. The Hymns of the Rig-Veda in the Samhita and Pada texts ed. By Max. Müller. Second edition. London, 1877. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/hymnsrigvedains00unkngoog/page/n265/mode/2u> (дата обращения: 14.12.2024)

23. The Mahabharata, An Epic. Poem. Calcutta, 1834. [Электронный ресурс]. URL: The Mahabharata an Epic Poem (Calcutta 1834), vol. 1: Education committee pandits: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (дата обращения: 09.12.2024)
24. The Student's Guide to Sanskrit Composition. By Caman Shivaram Apte M.A. Poona. 1881. [Электронный ресурс]. URL: The student's guide to Sanskrit composition: a treatise on Sanskrit syntax for the use of schools and colleges: Apte, Vaman Shivaram: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (дата обращения: 09.12.2024)
25. The treatises of M.T. Cicero: On the nature of the gods; On divination; On fate; On the republic; On the laws; and On standing for the consulship. Literally translated chiefly by the editor, C.D. Yonge, B.A. By Cicero, Marcus Tullius; Barham, Francis Foster, 1871. 510 p.
26. Urvasia, Fabula Calidasi, ed Robertus Lenz. Berolini, 1833. [Электронный ресурс]. URL: Urvasia, fabula Calidasi: textum Sanscritum edidit, interpretationem Latinam ... – Kālidāsa – Google Книги (дата обращения: 09.12.2024)
27. Xenophon. Anabasis. London, 1921. 546 p. [Электронный ресурс]. URL: The Acharnians of Aristophanes: with introduction, critical notes and commentary: Rennie, W: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (дата обращения: 09.12.2024)

References

1. Baluta A.A. Features of paleotranslation of prepositional-case forms in Indo-European languages (genitive case). The role and place of linguocultural adaptation of a literary text in the theory and practice of translation. Translation strategies and tactics: materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Moscow, GUP, April 7, 2023). Moscow: GUP, 2023. P. 6 – 11.
2. Baluta A.A., Epifantseva N.G., Mikhailov M.K. Changes in the syntactic functions of the infinitive in Vulgar Latin. Modern scientist. Belgorod. 2022 No. 6. P. 92 – 96.
3. Grishechkina A.M., Furmanova M.I. Latin morphological and syntactic structures as a basis for the interpretation and uniform term formation of structures with the infinitive in modern languages. Bulletin of philological sciences. Belgorod. 2023 Vol. 3. No. 3. P. 123 – 131.
4. The Ipatiev Chronicle. Complete collection of Russian chronicles. Vol. II. Vol. I. Ed. 3, 1923, 492 p. [Electronic resource]. URL: Complete collection of Russian chronicles (PSRL). Petrograd, 1923. Vol. II: The Ipatiev Chronicle, issue 1.: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of access: 09.12.2024)
5. The Laurentian Chronicle. The Tale of Bygone Years according to the Laurentian List, Publ. Imperial. Archeogr. Commissions, St. Petersburg, 1910, 274 p. [Electronic resource]. URL: The Tale of Bygone Years according to the Lavrentiev List – Online Viewing System (date of access: 04.12.2024)
6. Lomtev T.P. Essays on the Historical Syntax of the Russian Language: monograph. Moscow: Moscow University Publishing House, 1956. 596 p.
7. Novgorod I. Chronicle of the Senior and Junior Editions, USSR Academy of Sciences, Moscow-Leningrad, 1950. 565 p. [Electronic resource]. URL: Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of access: 09.12.2024)
8. Patrakeev M.M. The Problem of Ergativity Typology and Anomalous Constructions in Nominative Languages. SPb.: Bulletin of the Herzen State Pedagogical University. 2019. No. 194. P. 250 – 256.
9. Solntseva A.V. Romance Languages: History of Formation and Problems of Classification. Upper Volga Philological Bulletin. 2020. No. 3 (22). P. 124 – 133.
10. Suzdal Chronicle, According to the Laurentian List, P.S.R.L. Vol. Issue II. II Ed. L., USSR Academy of Sciences, 1927. [Electronic resource]. URL: Complete Collection of Russian Chronicles. Volume 1. Laurentian Chronicle. Issue Suzdal Chronicle according to the Laurentian copy – 1927 (date of access: 09.12.2024)
11. Abhignāçakuntalam, Kālidāsa's Ring-Çakuntala. Herausgegeben, übersetzt, mit Anmerkungen versehen von Dr. Otto Böhtlingk. Bonn. 1842. [Electronic resource]. URL: Kālidāsa's Ring-Çakuntala : Kālidāsa, (ca. 400) : Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of access: 09.04.2025).
12. Baluta A.A., Epifantseva N.G., Mikhailov M.K. Traces Of The Ergative System In The History Of The Russian Language In Comparison With Sanskrit, Latin And Ancient Greek (Based On The Material Of Infinitive Turns)/ Webology (ISSN: 1735-188X) Volume 19, Number 1, 2022 ISSN: 1735-188X. p. 7498. [Electronic resource]. URL: 20220329114340amwebology 19 (1)-118 pdf.pdf (date of access: 12.04.2024)
13. Bhatti Kavya, a Poem on the actions of Rama. Calcutta, 1828. [Electronic resource]. URL: Bhatti kavya; a poem on the actions of Rama... With the commentaries of Jayamangala and Bharatamallika: Bhaṭṭi. n 88226706 : Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of access: 12.14.2024)

14. Cicero M.T. *Against Verres*, 2.1.53–86: Latin Text with Introduction, Study Questions, Commentary and English Translation, London, 1970. 114 p.
15. Cicero M.T. *The treatises of M.T. Cicero: On the nature of the gods; On divination; On fate; On the republic; On the laws; and On standing for the consulship*. Literally translated chiefly by the editor, C.D. Yonge, B.A. By Cicero, Marcus Tullius; Barham, Francis Foster, 1808-1871, 534 p. [Electronic resource]. URL: [The treatises of M.T. Cicero: On the nature of the gods; On divination; On fate; On the republic; On the laws; and On standing for the consulship](#). Literally translated chiefly by the editor, C.D. Yonge, B.A.: Cicero, Marcus Tullius : Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of access: 09.12.2024)
16. Fuhrmann M. *Cicero and the Roman Republic*. Rome, 1992. 509 p. [Electronic resource]. URL: [Cicero and the Roman Republic: Fuhrmann, Manfred: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive](#) (date of access: 09.12.2024)
17. Çiçupālabadham. *Calcutta*, 1828. [Electronic resource]. URL: [Sisupalavadha of Magha 1920 : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive](#) (date of access: 12.14.2024)
18. Ramayana. *Poema Indiana di Valmici*, ed Gaspere Gorresio. Parigi, 1843. [Electronic resource]. URL: [Ramayana Poema Indiano Di Valmici Vol-i: Gorresio Gaspere: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive](#) (date of access: 12.09.2024)
19. *The Acharnians of Aristophanes: with introduction, critical notes and commentary*. By Rennie, W; Aristophanes. Acharnians. London, 1909, 301 p. [Electronic resource]. URL: [The Acharnians of Aristophanes: with introduction, critical notes and commentary: Rennie, W: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive](#) (date of access: 12.09.2024)
20. *The Aitareya Brahmanam of the Rigveda*. Ed. Martin Hang. Bombay. 1863. [Electronic resource]. URL: [The Aitareya Brahmanam of the Rigveda: containing the earliest speculations of the Brahmins on the meaning of the sacrificial prayers, and on the origin, performance and sense of the rites of the Vedic religion: Bombay \(India: State\). Educational Dept: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive](#) (date of access: 12.09.2024)
21. *The Çatapatha-Brahmaṇa in the Madhyandina-Çākhā with extracts from the commentaries of Sāyaṇa Harisvāmin and Dvidevaganga*, edited by Dr. Albrecht Weber. Berlin. London. 1855. [Electronic resource]. URL: [The Catapatha-brahmana In The Madhyandina Cakha With Extracts From The Commentaries Of Sayana, Harisvamin And Dvidevaganga: Weber, Albrecht, Ed.: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive](#). (Access date: 12/09/2024)
22. *The Hymns of the Rig-Veda in the Samhita and Pada texts* ed. By Max. Müller. Second edition. London, 1877. [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/hymnsrigvedains00unkngoog/page/n265/mode/2u> (date of access: 12.14.2024)
23. *The Mahabharata, An Epic. Poem*. Calcutta, 1834. [Electronic resource]. URL: [The Mahabharata an Epic Poem \(Calcutta 1834\), volume 1: Education committee pandits: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive](#) (date of access: 12.09.2024)
24. *The Student's Guide to Sanskrit Composition*. By Caman Shivaram Apte M.A. Poona. 1881. [Electronic resource]. URL: [The student's guide to Sanskrit composition: a treatise on Sanskrit syntax for the use of schools and colleges: Apte, Vaman Shivaram: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive](#) (date accessed: 12/09/2024)
25. *The treatises of M.T. Cicero: On the nature of the gods; On divination; On fate; On the republic; On the laws; and On standing for the consulship*. Literally translated chiefly by the editor, C.D. Yonge, B.A. By Cicero, Marcus Tullius; Barham, Francis Foster, 1871. 510 p.
26. *Urvasia, Fabula Calidasi*, ed Robertus Lenz. Berolini, 1833. [Electronic resource]. URL: [Urvasia, fabula Calidasi: textum Sanscritum edidit, interpretationem Latinam ... – Kālidāsa – Google Books](#) (date of access: 09.12.2024)
27. *Xenophon. Anabasis*. London, 1921. 546 p. [Electronic resource]. URL: [The Acharnians of Aristophanes: with introduction, critical notes and commentary: Rennie, W: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive](#) (date of access: 09.12.2024)

Информация об авторах

Балута А.А., доктор филологических наук, профессор, Государственный университет просвещения,
Cobra49@yandex.ru

Балута А.Г., Государственный университет просвещения

© Балута А.А., Балута А.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 3 / 2025, Vol. 4, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'22

Основные функциональные особенности и своеобразие лексической метафоры в современной когнитивной лингвистике

¹ Мирзоева Гюнай Тельман гызы,

¹ Азербайджанский университет туризма и менеджмента, Азербайджан

Аннотация: представленная статья написана на актуальную тему. В современной когнитивной лингвистике имеется немало количество работ различных объёмов о роли лексической метафоры как в тесном контекстном окружении, так и в изолированном виде. Между тем автору удалось в рамках статьи раскрыть основные функциональные особенности исследуемого объекта. Они оказались весьма примечательными, отчасти ценными не только для специалистов, но рядового массового читателя. Вызывает определённый интерес несколько аспектов, которые под пером автора фактически превращаются в опорные пункты, своего рода форпосты. В качестве одного из первых и важных пунктов названа реальная возможность лексической метафоры выступать в роли различных частей речи в современном русском литературном языке. Они не просто перечисляются, но и показаны в сочетаемости с приведением соответствующих примеров. Далее, при указании на функционирование этого типа метафор в границах лексико-семантического, темпорального, эмотивного поля деятельности ясно показано её значение в роль в текстах художественной литературы. Заявление, как говорится, дорогого стоит потому что это непосредственно свидетельствует об эмоциональности всего высказывания в целом. Метафора – только его часть, но в приведённых примерах – весьма существенная. Наконец лексическая метафора приводится в различных контекстах со сравнением и уподоблением. В статье подобраны такие яркие примеры, что это становится своего рода ее «изюминкой», так как сравнение и уподобление – это в сущности отдельный пласт исследования, стилистические фигуры или тропы. Но показаны как общие точки соприкосновения, так и разница, подкрепляя это мнениями авторитетных лингвистов, как современных, так и прошлых лет. Всё это, несомненно, обогащает статью. Она отвечает всем необходимым, отличается творческим поиском, написана научным, но вполне доступным языком.

Ключевые слова: метафора, лексика, русский язык, функции, свойства, особенности, когнитивная лингвистика

Для цитирования: Мирзоева Гюнай Тельман гызы Основные функциональные особенности и своеобразие лексической метафоры в современной когнитивной лингвистике // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 3. С. 17 – 23.

Поступила в редакцию: 4 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 19 мая 2025 г.

Main functional features and originality of lexical metaphor in modern cognitive linguistics

¹ Mirzoeva Gyunay Telman gyzy,

¹ Azerbaijan University of Tourism and Management, Azerbaijan

Abstract: the presented article is written on a relevant topic. In modern cognitive linguistics, there are a considerable number of works of various volumes on the role of lexical metaphor both in a close contextual environment and in an isolated form. Meanwhile, the author managed to reveal the main functional features of the object under study within the framework of the article. They turned out to be quite remarkable, partly valuable not only for specialists, but also for the average mass reader. Several aspects are of particular interest, which under the author's pen actually turn into strongholds, a kind of outposts. As one of the first and most important points, the real possibility of lexical metaphor to act as various parts of speech in the mod-

ern Russian literary language is named. They are not simply listed, but also shown in combination with the provision of appropriate examples. Further, when indicating the functioning of this type of metaphors within the boundaries of the lexical-semantic, temporal, emotive field of activity, its significance in the role in the texts of fiction is clearly shown. The statement, as they say, is worth a lot because it directly testifies to the emotionality of the entire statement as a whole. Metaphor is only a part of it, but in the examples given, it is very significant. Finally, the lexical metaphor is given in various contexts with comparison and assimilation. The article selects such vivid examples that this becomes a kind of its “highlight”, since comparison and assimilation are essentially a separate layer of research, stylistic figures or tropes. But both common points of contact and differences are shown, supporting this with the opinions of authoritative linguists, both modern and past. All this undoubtedly enriches the article. It meets all the necessary requirements, is distinguished by a creative search, is written in a scientific, but quite accessible language.

Keywords: metaphor, vocabulary, the Russian language, functions, properties, features, cognitive linguistics

For citation: Mirzoeva Gyunay Telman gyzy Main functional features and originality of lexical metaphor in modern cognitive linguistics. Philological Bulletin. 2025. 4 (3). P. 17 – 23.

The article was submitted: February 4, 2025; Approved after reviewing: April 7, 2025; Accepted for publication: May 19, 2025.

Введение

Многочисленные факты и явления межкультурной и международной коммуникации в наши дни активно проникают в различные области жизни. Политические и экономико-социальные изменения в Азербайджане органично влекут за собой определённые изменения и в сознании индивидуумов общества. А это, в свою очередь, отражается и в системе языка, его всевозможных языковых средствах. В них известную роль играют тропы, в нашем случае метафоры. Метафора (от греческого *metaphora*) – означает перенос значения слова. Традиционно в языкознании метафорой называют вид такого тропа, в котором отдельные слова или выражения сближаются посредством сходства их основных значений или же по контрасту. Метафоры в русском языке образуются по принципу олицетворения. Например, «вода бежит». Затем овеществления по методу сходства тех или иных материалов («стальные нервы»), стрессовые ситуации. А.И. Власенков и Л.М. Рыбченкова дополняет большой список метафор по указанному сходству признаков: «Ручка человека» – «Ручка двери»; «Зерно пшеницы» – «Зерно истины» [9, с. 22]. Метафорическое значение нередко возникает в результате сходства некоторых выполняемых ими функций. Например: «Перо гусиное» – «Перо стальное» и т.п.

Далее, по принципу переноса отвлечённых понятий («поле деятельности»). Причём, некоторые метафоры могут расширять свои значения благодаря включению в различные сферы науки или общественной жизни. Скажем, последнее выражение чаще используется в теории литературоведения. А если мы употребляем в научном тексте «лексико-семантическое поле деятельности», то это чаще используется учёными в современной когнитивной лингвистике. Например, известные

учёные-языковеды Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарин в своей монографии многократно употребили такие названия, как «Лексико-семантическое поле деятельности», «Темпоральное поле деятельности». «Эмотивное поле деятельности») и т.д.

Материалы и методы исследований

В статье использован метод сопоставительного анализа, сравнение и систематизация эмпирических и теоретических данных.

Результаты и обсуждения

В роли метафоры в современном литературном языке выступать могут разные части речи: имя существительное, глагол, прилагательное. Нередко метафоры используются поэтами или писателями в языке художественной литературы для придания эмоциональности, экспрессии. Тем самым метафоры придают речи исключительную выразительность. Например, А. Фет писал:

*В каждый гвоздик душистый сирени,
Распевая, вползает пчела...
Вознеслась ты под свод голубой
Над бродячей толпой облаков...*

Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев утверждают, что «метафора представляет собой сравнение нерасчленённого характера, в котором можно тем менее усмотреть оба члена» [8, с. 208]. В качестве доказательства они приводят пример из поэзии С. Есенина:

*Покатались глаза собачьи
Золотыми звёздами в снег.*

В отдельных случаях лексическая метафора может принимать такое объёмное значение, что способно охватить собою большой отрезок текста. Например, филологи считают, что пушкинское стихотворение «Телега жизни» от начала и до конца являет собой широко развёрнутый метафорический образ. Причём, имеется в виду не только само название (это, как видим, и так ясно и про-

зрачно), но и всё стихотворение целиком. Учёные выяснили, что метафора имеет очень давнюю традицию. Ещё Аристотель писал о ней в своих философских трудах. В языкознании интерес к этому виду троп разгорелся в связи с постановкой проблемы о лексико-семантической правильности конструирования предложений и выделением различных девиаций, то есть отклонений от норм. Одни современные русские, азербайджанские и европейские исследователи относили метафору к такому понятию, которое называется «интерпретирующая аномалия». Проще сказать, это вид лексико-семантического и одновременно с тем неверного употребления метафоры. Другие делали особый упор на экстралингвистическом факторе. А третьи, напротив, сводили его до минимума или вообще отвергали. Мнений несколько, и они, как можно видеть, решительно расходятся в своих чертах, свойствах или функциональных предназначениях лексической метафоры. В трудах различных учёных также встречаем и целый ряд терминологических определений.

Таким образом, в определении понятия «метафора» наблюдается заметный разнобой. Возможно, по этой причине некоторые ученые вообще считали, что лучше забыть о природе метафоры, чтобы, как считал Д.Бикертон, «чувствовать себя комфортнее». В самом деле, терминологическому разнобою в понятии метафоры есть обоснование в разных языках. Например, в английском признак твердости, жёсткости определяется словом «iron» (железо), а в испанском это приписывается слову «сталь» (асеро). В каждом языке – по-разному. Понятно, что слова, которые указывают на такие знаки или атрибуты явления, могут быть вполне подвержены метафоризации. Выглядит удивительным, но из-за своей сложности и терминологической противоречивости изучение метафоры даже во второй половине XX столетия не пользовалось особой популярностью. Лишь с конца прошлого столетия ей стали заниматься всерьёз.

Что же такое метафора? Что представляет собой данное понятие и во что может трансформироваться в текстах разных типов? Есть разница в толковании русских лингвистов? В современном истолковании это в первую очередь способ указать на индивидуальный характер конкретного явления или предмета, в основном передавая его своеобразие и даже неповторимость. Вместе с тем в распоряжении человека, который в своей речи употребляет метафору, даёт предмету определенные так называемые таксономические, то есть категориальные характеристики. Это позволяет лингвистам включать метафоры в классы разного объема. Некоторые учёные считают, что метафора

прежде всего способна индивидуализировать предмет, то есть относить его к такому классу, к которому он объективно не принадлежит. Фальсификация семантики, но с обязательным переносным значением. Можно сказать и так: метафора способна порождать категориальную ошибку. Человек думает об одном, предполагает конкретные явления и факты, а в тексте оказывается поллярный смысл.

Например, Гоголь писал: «Утешение это, а не коляска; Это что вообще за люди? Мухи какие-то, а не люди». Л. Толстой: «Бывало, едешь пред эскадроном, черт под тобой, а не лошадь». Горький: «Это не человек какой-то, господи, а погода дурная». Булгаков в «Мастере и Маргарите» издевался над одним из образов шайки Воланда: «Кота надо бы такого высечь, не кот это, а форменный бандит». Многое, конечно, зависит от контекстного окружения.

Итак, несложно прийти к заключению, что метафора – это такой троп, который своим вторичным значением словно обманывает человека, эпатирует его сознание. Например, из приведенного видно, что, на первый взгляд, метафора связана с лексикой идентифицирующего характера. Следовательно, такой троп в предложении соотносится непосредственно с самим субъектом сообщения или с позицией. Но в действительности, как писал в своё время академик В. Виноградов, «дело обстоит как раз наоборот, своими крепкими узами метафора связана с позицией предиката» [4, с. 184-185].

Вышеотмеченное можно подтвердить простыми и не замысловатыми примерами. Так, шляпа, которая движется, к примеру, по улице получает значение метонимии. Но в то же время параллельно под ним может развиваться и метафорическое значение. Шляпой элементарно называют растяпу. Существо дела заключается в том, что никакой двусмысленности здесь нет: просто метонимия, как верно подчёркивал академик В. Виноградов, тесно связана с идентифицирующей функцией, а метафора – с предикатом. Метонимия всегда стремится отразить некую референцию, то есть она привязана к конкретному лицу, субъекту или же такому предмету, который хорошо известен собеседнику. Для метафоры же, напротив, более удобна позиция предиката. Поэтому, когда говорят, он – ужасная шляпа, имеют в виду рассеянного, расхлябанного и недисциплинированного человека.

Точно так же раздваивается значение метонимии и метафоры при помощи некоторых других лексем. Например, голова тоже имеет двойное значение – как метонимическое, так и метафориче-

ское. Когда говорят «голова», то в метонимическом значении имеют в виду прежде всего её размер, скажем, имя прилагательное «большеголовый». Чаще всего такое значение используется тогда, когда надо выделить именно эту часть тела. То есть, мы опять приходим к выводу о примате идентифицирующей функции метонимии. Но если под «головой» иметь в виду умного человека (сравним: это не голова, а Дом советов), то мы получаем метафору, которая и занимает предикативную позицию. Вспомним также, как Пушкин в «Руслане и Людмиле» описал встречу главного героя с Головой: здесь Пушкин не создал метафоры, потому что он не имел в виду огромные размеры Головы. То есть просто части тела, которые принимают характер идентифицирующей функции. (О сказочности и фантастике здесь речь не идёт). А если же мы говорим «Городской голова», то уже имеем в виду предикат, и у нас получается метафора. В данном случае выделяется не размер, а умственные качества человека, соответствующие его занимаемой высокой должности. Можно также рассмотреть метафору из сказок братьев Гримм:

*На стене трепещут тени,
Сон крадётся, тих, незрим.
Слышу бабушкино чтение
Жутких сказок братьев Гримм.*

До сих пор в нашей статье речь шла о семантической сочетаемости слов. Но, оказывается, метафора и метонимия могут различаться не только этими закономерностями. Метонимия чаще направлена на то, чтобы уточнить какую-либо деталь, частное определение, но, как правило, не относится к предмету целиком. Например, в словосочетании «грязный тулуп двигался по улице» речь идет только об одежде, между тем лексическая метафора обходит эту частность стороной и когда говорят «старый тулуп засмеялся, что-то брякнул, зевнул или сгорбился», мы имеем в виду лицо. Это и есть метафора, предикат которой относится уже не к части, но и к некоему целому. Вновь приходим к убеждению, что лексическая метафора – это такой необычный троп, который при определенных условиях может создавать лексико-семантические перебои при употреблении. Однако это только одна часть исследуемого вопроса. Помимо различий между метонимией и метафорой, представляет несомненный интерес научный пласт исследований, который связан с проблемой взаимодействия метафоры и сравнения. Сравнение исконно указывает на то, что один объект подобен другому, вне зависимости от того, насколько это реально в конкретном языковом окружении. Лексическая метафора, напротив, чаще выражает подобие устойчивое. В некоторой

степени образность может ослабляться, но такое подобие есть постоянный признак. Тем самым такое свойство сближает метафору с некоторыми другими тропами, которые характеризуют оценочное значение человека. Так, метафора входит в отношения синонимии с такими словами как простофиля, тупица, разиня, растяпа и т.д.

Метафора отличается от сравнения еще и тем, что именно она почти никогда не используется для обозначения подобия чисто случайного характера. Например, вряд ли в русском языке возможна такая фраза, как «вчера он был шляпой»; «вы сейчас похожи на медведя»; «на прошлой неделе в лесу он был коровой» и т.д. Заметим попутно, что в первом выражении задействован закон пространственно-временной парадигмы. Шляпа – это постоянный предикативный признак, и он не может быть подвержен перескоку во времени. Во втором выражении под медведем имеется в виду неуклюжий человек, или квашня. А если говорящий подразумевает рост человека, то он может уподобиться, например, каланче. По той же схеме можно разбирать и третье выражение. (Корова существует всегда, и не может стать другим животным в течение любого отрезка времени).

Напротив, при сравнении вполне возможно уподобление эпизодически временного характера. Например: «Позавчера вёл он себя, как настоящая шляпа (ближе к слову «свинья»)». Далее: «На прошлой неделе в поле он был неуклюж, неловок, как корова или бегемот». Такой же закон действует и в том случае, если метафора выражает нравственную оценку человека. Например, метафора способна накрепко закрепить за человеком какое-либо определенное качество характера, которое вряд ли может измениться в одночасье. Так, если человек совершил какое-либо злодеяние, подлость или предательство, то это обнаруживает в нем постоянное, а не эпизодическое свойство характера, души. Поэтому нельзя сказать *вчера это был подлец, злодей негодяй*. Здесь можно прибегнуть только к сравнению: *Он себя вел как настоящий злодей, мошенник, негодяй*. Лексическая метафора в данном случае не образуется по причине того, что она противопоставлена сравнению. Но оказывается, лексическая метафора может быть противопоставлена ещё и метаморфозе. Лучше всего об этом писал упомянутый академик В. Виноградов: «Метафора чаще всего не подразумевает оттенков мысли о превращениях предметов. Напротив, неотъемлемая часть метафоры – это двуплановость. Сознание приравнивания одного предмета другому, причем, второй предмет может быть даже резко отличен от первого» [5, с.411]. В каче-

стве примера Виноградов обращается к поэзии А. Ахматовой:

*Еще недавно ласточкой свободной
Свершала ты свой утренний полет.*

Виноградов уточняет, что в таких случаях говорящий либо ученый имеет дело не столько с лексическими метафорами, сколько с мифологическим мышлением. Иными словами, перефразируя Виноградова, мы можем сказать, что такого рода превращения героиней созерцаются не как вымышленные события, факты или явления, а как реальность. Виноградов делает совершенно резонный вывод, что «метафора обозначает способ восприятия мира, а не языковую метаморфозу». Этим она, собственно говоря, от метаморфозы в основном, и отличается. Действительно, метафора – это важное средство образной характеристики какого-либо объекта, поэтому всегда и при всех случаях сохраняется направленность на конкретный объект. Ещё А. Потебня указывал на то, что лексическая метафора словно оживляет предметную сущность, а термины сравнения выполняют только вспомогательную роль, в конечном счете преобразуя субъект в значении признака. Так, не сложно прийти к выводу, что метафоры функционируют в сфере семантики. Лингвисты правильно утверждают, что сам процесс метафоризации очень похож на «окачествование» относительных прилагательных. Например, *железный брус – железная воля; железный обруч – железный характер*.

Показательно, что такого рода примеры входят даже в тесты для абитуриентов по лексикологии русского языка (эпитеты, метафоры, сравнения) в зависимости от группы. Таким путём проверяются знания даже детей в умении отличать метафоры от других видов троп. Иными словами, это элементарный подход к метафоре. Но это лишь единичный пример, на самом деле функции метафоры гораздо более сложные. Прежде всего, метафора сокращает сравнения, внося в него определенные коррективы. Она, в отличие от сравнения и метаморфозы, способна расширить уподобления. Например, если обратиться к «Мёртвым душам» Гоголя, то у него помещик Собакевич уподобляется медведю. Автор намекает на неуклюжесть этого действующего лица. Но если отклониться от художественной интерпретации и перевести это уподобление в лингвистическую плоскость, то мы получаем не общее понятие о неуклюжести, а только ту её разновидность, что свойственна медведям как косолапым животным. Гоголь пишет про Собакевича: «Ступал он ступнями вкось и вкривь и даже наступал постоянно на чьи-то чужие ноги». Метафора здесь есть только следствие выражения косолапости как отдельного признака.

В метаморфозах действует другой закон: основной субъект исчезает и сохраняется только его часть. Например, Ахматова пишет: *Белкой серой прыгну я на ольху, Ласочкой пугливой пробегу. Лебедью тебя я стану звать*.

Практически постоянная и прямая связь метафоры с субъектом позволяет ей превратиться в оригинальный приём. Смысл высказывания сильно меняется, иногда он даже трансформируется во что-то другое. Например, до метафоризации было использовано в речи или в тексте какое-либо имя существительное, а после процесса метафоризации эта часть речи уже в предложении не фигурирует как отнесенность к данному классу предметов. Вот почему говорят, что проникновение в семантическую область отличает метафору от собственно метаморфозы, которая, по словам А. Потебни, «в языке уже не отлагается как способ преобразования новых значений» [7, с. 484]. Правда, некоторые современные лингвисты, указывая на разницу между метафорой и метаморфозой, верно указывают, что при определенных условиях метаморфоза тоже может иметь выход в языковую семантику. Например, *идти гуськом* или *бежать рысью*. Между тем, есть другие учёные, которые это словосочетание всё равно не относят к метаморфозам, а говорят об особом виде метафоры – адвербиальной.

В заключение настоящей статьи хотелось бы вкратце указать на отношение метафоры к другим семантическим типам слов. Мы уже выяснили, что метафора, в отличие от сравнения и метаморфозы, крайне редко выходит за границы лексики идентифицирующего характера. Например, *глазное яблоко, ушная раковина, рукав реки* и т.д. Перед нами особый вид так называемой номинативной метафоры с сохранением главного образа. Например: «дороги везде бархатные».

Задача такой лексической метафоры состоит в том, чтобы указать на отдельные объекты действительности. Но такая метафора очень тесно связана с контекстом, в буквальном смысле слова нуждается в его опоре. Это есть экспликация на контекст, предметную соотнесенность. Подчеркнём, что такой вид метафоры стремится войти не в широкий контекст, а в микро-контекст. Здесь цель метафоры такая: прояснить референцию имени. Например, имя метафоризованное может обозначать часть какого-то предмета, а в микро-контексте уже есть указания на целое. Например, *ушко иглы, ножки бокала, спинка кресла* и т.д. Таким образом, метафора идентифицирующего характера составляет прежде всего аспект номинации, но не отражает деталей смысла. Поясним: художественный образ, который метафоры при-

дают языку, лексике идентифицирующего характера по существу дела не нужен. Слово само стремится от него освободиться. Спрашивается, в чём же тогда суть процесса метафоризации? Ответаем: он сводится к замене одного значения другим. Например, лист (растение) и лист (бумаги), игла (швейная) и игла (как отросток хвойного дерева). Любопытно, что еще Аристотель в поэтике писал: «Суть метафоры состоит в том, чтобы присвоить предмету имя, которое принадлежит или принадлежало кому-нибудь или чему-нибудь другому» [1, с. 1457].

Древнегреческий философ был абсолютно прав. Классическая семантика метафоры свидетельствует именно о переносе названия, только этот перенос по принципу омонимии опирается на сходство предметов, либо по каким-либо другим внешним, но очевидным признакам. Большинство ученых сходится во мнении, что лексическая метафора таких видов очень часто выглядит наглядно. Это происходит по той причине, что она, в отличие, скажем, от эпитета апеллирует не столько к интуиции, сколько к зрению. Эта мысль абсолютно не противоречит той, которая была высказана нами выше в связи с угасанием образа. Существо дела заключается в том, что метафора прежде всего выполняет номинативную функцию, а затем она просто исчезает (в литературе по такому поводу часто каламбурят: Мавр сделал свое дело, мавр может уходить. Но при этом надо помнить, что угасание одного метафорического образа вовсе не побуждает говорящего прибегнуть к какой-либо новой метафоре. Это не обязательно, так как метафора представляет собой по большей части идеальный, а не материализованный образ. Сопоставим в качестве пояснения: человек при обычных обстоятельствах никогда не нуждается в нескольких именах одновременно. Так и отдельным классам предметов достаточно одного лишь названия. Дублирование номинативного характера происходит только в условиях множественности языковых норм, то есть в разных диалектах или жаргонах. Но к метафоре конкретного отношения эти стилистические слои уже не имеют.

Совсем другое дело мы имеем с той метафорой, которая своим источником имеет какое-либо конкретное идентифицирующее имя. Тогда оно в своем переносе переключает это имя в позицию предиката, который в свою очередь относится к другому классу предметов. Метафора как бы выходит из лексики основного своего назначения, но более в него не возвращается. Писатели чаще всего прибегают к такой метафоре в тех случаях, когда им нужно привести удачное сравнение, сопоставление или уподобление. Поясним. В мышлении пи-

сателей возникает образ, который помогает индивидуализировать героя или дать оценку предметам. Это делается в основном в поисках отдельных художественных деталей, нюансов, а не в погоне за именем. Например, в поэтической речи метафора иногда имеет конденсированный вид. Чичиков у Гоголя восклицал «Экий кулак!» или «Гусь твой Сева». В таких случаях происходит индивидуализация объекта, а метафора в свою очередь привносит в речь конкретные предикаты.

Небезынтересно отметить, что метафора, которая обращается к интуиции для говорящего или для писателей оставляет возможность творчески интерпретировать текст. Любые виды метафор, которые мы рассматриваем, в принципе следует понимать только вариативно. Так, имена предметов, которые известны собеседникам, могут вызывать у них попутно различные эмоции, образы, представления, и это никоим образом не мешает собеседникам в коммуникации. Это нетрудно объяснить: конкретная лексика нередко в основе своей бывает образной. Как это ни покажется странным и даже обидным для педагогов, но такая метафорическая лексика в большей степени стимулирует не столько знания, сколько образные представления.

А с сугубо лингвистической точки зрения, те представления, которые вызывает какая-либо метафора, уже проникают в позицию предиката. Из метафорического имени, скорее всего, извлекаются только те признаки, которые совместимы с денотатом. То есть, человека называют лисой по характеристике его поведения. Проще сказать, имеют в виду его хитрость. Но из этой метафоры вовсе не вытекает, что у него имеется хвост. Если следовать и далее этой логике, то можно отметить лишь следующее: он умеет замечать за собой следы, но вовсе не пользуется для этого хвостом. Микро-контекст данного типа предоставляет нам ключи к данному типу лексической метафоры, а в собственно номинативной метафоре; такой контекст выявляет только её денотацию.

Выводы

Отмеченное говорит нам о неоднозначности видов образных лексических метафор. Они фактически заставляют нас считать, что метафорические высказывания в такой большой степени видоизменяют текст, что уже не претендуют на подлинность оценки. Это, конечно, не всегда верно, так как и оценка тоже может быть относительной. Например, эвристическая оценка тоже имеет свою значимость, так как она претендует на истину. Некоторые учёные по этому поводу полагали, что отдельные метафорические высказывания относятся к особому виду речевых актов. Такие мета-

форы как бы приглашают адресата по-особому взглянуть на мир. К сожалению, этот аспект вполне удовлетворяет художников слова, но не подходит для научных трудов. Большинство ученых считает, что в научном тексте следует избе-

гать метафор, так как они не являются серьезным аргументом. Но это спорная позиция. Иногда в целях доказательств учёные все же приходят к различным лексическим метафорам, чтобы подчеркнуть характер или мотивы поведения человека.

Список источников

1. Аристотель. Поэтика. М.: Художественная литература, 1979.
2. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Наука-Флинта, 2006. 496 с.
3. Бикертон Д. Введение в лингвистическую теорию метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 284 – 306.
4. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 264 с.
5. Виноградов В.В. О поэзии Анны Ахматовой. М.: Наука, 1976. 497 с.
6. Власенков А.И., Рыбченкова Л.М. Русский язык. Грамматика Текст. Стили речи. М.: Просвещение, 2002. 349 с.
7. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Наука, 1958. 548 с.
8. Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. 509 с.

References

1. Aristotle. Poetics. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1979.
2. Babenko L.G., Kazarin Yu.V. Linguistic Analysis of the Fiction Text. Moscow: Nauka-Flinta, 2006. 496 p.
3. Bickerton D. Introduction to the Linguistic Theory of Metaphor. Theory of Metaphor. Moscow: Progress, 1990. P. 284 – 306.
4. Vinogradov V.V. Lexicology and Lexicography. Moscow: Nauka, 1977. 264 p.
5. Vinogradov V.V. On the Poetry of Anna Akhmatova. Moscow: Nauka, 1976. 497 p.
6. Vlasenkov A.I., Rybchenkova L.M. Russian Language. Grammar Text. Speech Styles. M.: Education, 2002. 349 p.
7. Potebnya A.A. From notes on Russian grammar. M.: Science, 1958. 548 p.
8. Timofeev L.I., Turaev S.V. Dictionary of literary terms. M.: Education, 1974. 509 p.

Информация об авторе

Мирзоева Гюнай Тельман гызы, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Азербайджанский университет туризма и менеджмента, Азербайджан

© Мирзоева Гюнай Тельман гызы, 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 3 / 2025, Vol. 4, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.1

Значение традиционных СМИ в глобальной медиа системе

¹ Бахадиванд Ч.З., ¹ Ильченко С.Н.,

¹ Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций,
Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: динамические процессы технологической трансформации последнего десятилетия привели к кардинальному изменению коммуникационного ландшафта через консолидацию разнообразных медиаформатов в интегративные информационные экосистемы. Конвергенция текстуальных, аудиовизуальных и графических компонентов в глобальной сетевой инфраструктуре при одновременной либерализации доступа к информации инициирует фундаментальный сдвиг парадигмы социальных взаимодействий. Для печатных средств массовой информации цифровые технологии требуют ревизии стратегического позиционирования и акцентуации уникальных преимуществ. Печатные издания обладают специфическими материальными характеристиками: тактильным комфортом, удобством чтения и быстротой обзорного ознакомления. В этом аспекте периодические издания сохраняют конкурентное преимущество перед цифровыми ресурсами, что обеспечивает их актуальность. Особую значимость традиционные СМИ сохраняют в странах с неравномерным доступом к цифровым технологиям. В регионах с ограниченным проникновением интернета, недостаточным уровнем цифровой грамотности или экономическими барьерами для доступа к новым технологиям именно традиционные медиа обеспечивают информационные потребности значительной части населения. Наблюдаемая метаморфоза коммуникативных практик затрагивает не только технологическое измерение, но и глубинные механизмы общественного дискурса и информационного обмена. В данной работе проводится анализ перспектив развития традиционных медиа, включая периодическую печать, радио и телевидение, в условиях экспансии цифровых платформ. Особое внимание уделяется изучению адаптационных стратегий классических СМИ перед лицом цифровой трансформации и определению потенциальных траекторий их дальнейшего институционального развития в модифицированном медиапространстве.

Ключевые слова: новые медиа, социальная коммуникация, коммуникационные технологии, средства массовой коммуникации, Интернет

Для цитирования: Бахадиванд Ч.З., Ильченко С.Н. Значение традиционных СМИ в глобальной медиа системе // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 3. С. 24 – 28.

Поступила в редакцию: 6 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 19 мая 2025 г.

The significance of traditional media in the global media system

¹ Bakhadivand Ch.Z., ¹ Ilychenko S.N.,

¹ Higher School of Journalism and Mass Communications,
St.Petersburg State University

Abstract: the dynamic processes of technological transformation over the past decade have led to a fundamental change in the communication landscape through the consolidation of diverse media formats into integrative information ecosystems. The convergence of textual, audiovisual, and graphical components in the global network infrastructure, while liberalizing access to information, initiates a fundamental paradigm shift in social interactions. For print media, digital technologies require a revision of strategic positioning and an emphasis on unique advantages. Printed publications have specific material characteristics:

tactile comfort, ease of reading, and speed of review. In this aspect, periodicals retain a competitive advantage over digital resources, which ensures their relevance. Traditional media remain particularly important in countries with uneven access to digital technologies. In regions with limited Internet penetration, insufficient digital literacy, or economic barriers to access to new technologies, it is traditional media that meet the information needs of a significant part of the population. The observed metamorphosis of communicative practices affects not only the technological dimension, but also the deep mechanisms of public discourse and information exchange. This paper analyzes the prospects for the development of traditional media, including periodicals, radio and television, in the context of the expansion of digital platforms. Special attention is paid to studying the adaptation strategies of classical QMS in the face of digital transformation and identifying potential trajectories for their further institutional development in the modified media space.

Keywords: new media, social communication, communication technologies, mass communication, Internet

For citation: Bakhadivand Ch.Z., Ilychenko S.N. The significance of traditional media in the global media system. Philological Bulletin. 2025. 4 (3). P. 24 – 28.

The article was submitted: February 6, 2025; Approved after reviewing: April 7, 2025; Accepted for publication: May 19, 2025.

Введение

Современный социокультурный ландшафт характеризуется интенсивной эволюцией инновационной коммуникационной системы, концептуализируемой в научном дискурсе как «новые медиа». Данный феномен представляет собой комплексное интегративное образование, объединяющее интерактивные коммуникационные технологии с цифровыми модальностями трансляции информации, где доминирующую роль играет глобальная сеть Интернет. Наблюдаемая трансформация не ограничивается техническими аспектами, но конституирует многомерное социокультурное явление, фундаментально изменяющее архитектуру межличностных и групповых взаимодействий [1].

Эволюция коммуникационных парадигм демонстрирует значимую трансформацию: структурированные и линейные модели информационного обмена, свойственные кинематографу, радиовещанию и телевизионным системам, постепенно уступают позиции более аффективным и менее рефлексивным формам социального взаимодействия. Аналогичный по своей фундаментальности технологический сдвиг наблюдался на границе столетий, когда разнообразные коммуникационные модальности интегрировались в интерактивные информационные экосистемы [2].

Современный этап характеризуется формированием уникального «супертекста» и «метаязыка», которые впервые в историческом контексте осуществляют конвергенцию письменной, вербальной и аудиовизуальной коммуникативных практик в целостную систему. Симбиотическое взаимодействие текстуальных, визуальных и звуковых компонентов в глобальной информационной инфраструктуре инициирует существенную реконфигурацию коммуникативной архитектуры [3].

В контексте акселерирующего и труднопредсказуемого развития цифровых технологий актуализируется проблематика дальнейшей институциональной эволюции традиционных медиаформатов. Целью данной статьи является осмысление значения традиционных СМИ в глобальной медиа системе в условиях цифровой трансформации.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляет комплексный анализ традиционных и новых медиа в контексте их исторической эволюции, функциональных трансформаций и институциональных изменений. В работе использованы историко-генетический, структурно-функциональный и системный подходы, позволяющие рассмотреть традиционные СМИ как целостные институциональные образования, встроенные в глобальную медиасистему.

Эмпирическую базу исследования составляют научные публикации, освещающие проблематику трансформации медиасистем в условиях цифровизации, а также данные о динамике развития различных сегментов медиаиндустрии. Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XX века по настоящее время, что позволяет проследить ключевые этапы эволюции медиасреды в эпоху цифровой трансформации.

В работе использованы следующие методы исследования:

- сравнительный анализ традиционных и новых медиа;
- исторический метод исследования эволюции медиасистем;
- контент-анализ научной литературы по проблемам развития медиа;
- институциональный анализ СМИ как социальных институтов.

Результаты и обсуждения

Эволюция СМК демонстрирует когерентность с социогенезом. Исторически обусловленное появление первых периодических изданий в XVIII столетии коррелировало с формированием новой социальной страты – буржуазии, которая инструментализировала печатную продукцию для достижения экономических, политических и культурных целей. В этот период возникла концепция «Четвертой власти», указывающая на значительный потенциал медийного воздействия на социальную реальность [4].

Историческая эволюция СМК показывает их постепенную трансформацию в многофункциональный инструментальный, интегрированный в экономические и политические взаимодействия, а также определяющий механизмы разрешения социальных конфликтов. Медиасистемы стали фундаментальным фактором развития либеральных экономических структур и демократических институтов. СМК выступили детерминантой в процессе становления бюрократических комплексов и в консолидации политических режимов различного типа [5].

Традиционные СМИ исторически выступали ключевыми институтами общественной жизни, формирующими не только информационную повестку дня, но и культурные ценности, социальные нормы и коллективные представления о реальности. Эта институциональная укорененность в общественных структурах обеспечивает им особое положение даже в эпоху цифровизации.

В парадигме современного социума инновационные информационные и телекоммуникационные технологии (ИКТ) осуществляют фундаментальную реструктуризацию не только производственно-экономических процессов, но и механизмов реализации гражданских компетенций. Данные технологии выступают в качестве определяющего фактора трансформации социальной стратификации, экономической структуры и демократических институтов, оказывая комплексное воздействие на многоаспектные проявления общественного бытия [5].

Современные медиасистемы, базирующиеся на цифровых платформах, интегрированные с компьютерными технологиями и интернет-инфраструктурой, обрели существенно более высокую степень интерактивности по сравнению с традиционными медиаформатами, что отличает их принципиально [3].

Медийная метаморфоза происходила в условиях цивилизационной трансформации, характеризующейся переходом от индустриальной к постиндустриальной (информационной) социетальной мо-

дели. Информационно-компьютерная революция, представляющая собой процесс всеобъемлющей информатизации социальных и индивидуальных практик, стала квинтэссенцией этого феномена [6].

В качестве фундаментальных катализаторов трансформационных процессов выступила тетрада взаимообусловленных феноменов: компьютеризация, интернетизация, медиатизация и виртуализация информационного континуума. Именно компьютерные технологии впервые реализовали потенциал интеграции гетерогенных информационных модальностей – текстуальной, аудиальной, визуальной и графической – в унифицированном цифровом формате [7].

Цифровая эпоха и новые медиа ознаменовали генезис инновационной медиасреды, оказывающей трансформационное воздействие как на средства массовой информации, так и на журналистскую практику в целом. Однако возникает вопрос: имплицитно ли данная трансформация постепенное угасание традиционных медиа? Ответ однозначно отрицательный. По существу, между традиционными и новыми медиа отсутствует антагонистическое противостояние, наблюдается конкуренция и поиск целевой аудитории [8].

Техногенная цивилизация информационного общества предполагает принципиально новую стратегию взаимодействия медиа, информации и интернета. Она проявляется в их взаимной детерминации, выражающейся в интернетизации медийного пространства и медиатизации глобальной сетевой инфраструктуры. Интернет модифицирует традиционные СМИ, однако симультанно эти медиаформаты трансформируют виртуальное пространство, конвертируя глобальную сеть в платформу трансмедийного производства [8].

Обозначенная стратегия конвергенции обусловлена объективными закономерностями медиаэволюции. Традиционные и инновационные медиаформаты функционируют в рамках единого коммуникационного континуума. Актуальной остается гипотеза Вольфганга Рипля – так называемый закон Рипля, постулирующий принцип невытеснения новыми медиа своих предшественников. Инновационные, технологически более совершенные средства массовой информации не устраняют исторически предшествующие медиаформаты – вместо этого происходит реконфигурация их функционального репертуара.

Одним из главных преимуществ традиционных медиа является их высокая степень доверия со стороны аудитории. Десятилетиями формировавшиеся редакционные стандарты, профессиональная этика и механизмы верификации информации создали уникальный капитал доверия. В мире

постправды и фейковых новостей это доверие становится особенно ценным ресурсом, позволяющим традиционным СМИ сохранять свою аудиторию и влияние.

Традиционные медиа обладают уникальной способностью к созданию общенациональной повестки дня. В условиях фрагментации информационного пространства, характерной для интернета, именно телевидение, радио и крупные газеты продолжают выполнять интегрирующую функцию, формируя единое информационное поле для всего общества.

В глобальном масштабе традиционные СМИ остаются важнейшими участниками международного информационного обмена. Крупные телеканалы, радиостанции и издания с международным охватом формируют представления о событиях мирового масштаба, влияют на международную повестку дня и играют ключевую роль в глобальном распространении культурных ценностей и смыслов [5].

Информационная архитектура интернет-культуры характеризуется многомерностью и отсутствием строгой структурной организации. В отличие от физической реальности, киберпространство лишено естественной топографии, что затрудняет его традиционное картографирование. Дефицит «естественных» форм репрезентации информационных массивов обуславливает необходимость использования метафорических конструкций и визуальных паттернов, заимствованных из традиционных медиа, с целью оптимизации навигации и когнитивного восприятия [9].

Нельзя не отметить глубокую интеграцию традиционных СМИ в современную медиасистему. Вместо ожидаемого многими исследователями вытеснения, произошло взаимообогащение и трансформация обоих секторов. Традиционные медиа активно осваивают цифровые платформы, развивают интерактивные сервисы, экспериментируют с новыми форматами подачи контента. В свою очередь, многие новые медиа заимствуют профессиональные стандарты и подходы из традиционной журналистики [8].

Классические массмедиа и интерактивные медийные инновации дифференцируются не исключительно по техническим параметрам. Традиционные массмедиа, представленные телевизионными и радиовещательными системами, достигают стабильности функционирования посредством внутренней структурной организации и централизованного управления. Параллельно с этим, интерактивные медиа, представленные социальными сетями и онлайн-платформами, обретают системную устойчивость благодаря механизмам актив-

ной интеракции с аудиторией и многоканальной обратной связи [3].

Традиционные массмедиа реализуют глобальную коммуникационную функцию посредством широковещательных технологий, охватывая масштабные аудитории. В противоположность этому, интернет конституирует инновационное пространство для мультимодальных взаимодействий, интегрируя различные сообщества в единую сетевую структуру и предоставляя пользователям возможность активного участия в создании и распространении информационного контента [2]. Цифровизация информационного массива впервые в историческом контексте обеспечила консолидацию разнообразных медиа в целостную функциональную систему. Таким образом, традиционные медиа не подверглись маргинализации, но трансформировались в интегральные элементы новой медийной экосистемы.

Логично предположить, что в перспективе традиционные медиа, включая печатную периодику, переосмыслят свой функциональный статус и позиционирование в медиаландшафте. Вместо сценария «медиаканнибализма» более вероятно реализация модели симбиотического сосуществования исторических и инновационных медиаформатов [8]. Для печатных СМИ цифровые технологии требуют ревизии стратегического позиционирования и акцентуации уникальных преимуществ печатных носителей.

Таким образом, традиционные средства массовой информации продолжают сохранять существенное значение в глобальной медиасистеме, демонстрируя способность к адаптации, трансформации и конвергенции с новыми медиа. Они остаются незаменимыми институтами общественной коммуникации, обеспечивающими стабильность и целостность информационного пространства в условиях его технологической и содержательной трансформации.

Выводы

В современном цифровом мире традиционные медиа не утратили своей важности, а напротив, приобрели новую функцию – они служат понятными метафорическими ориентирами в виртуальном пространстве. Когда мы видим на экране рабочий стол, папки с документами или корзину для удаления файлов, мы сразу понимаем их назначение, поскольку эти элементы заимствованы из привычного физического мира. Такая метафоричность интерфейсов неслучайна – без этих знакомых образов пользователям было бы чрезвычайно трудно разобраться в бесконечном и хаотичном потоке цифровой информации, которая сама по

себе не имеет естественной структуры и направления [9].

Что касается будущего печатных медиа, есть основания полагать, что их значимость будет только возрастать. В эпоху цифровизации традиционные медиа выполняют важнейшую функцию – они создают ощущение порядка и ясности в информационном хаосе. Книжки, журналы и газеты предлагают читателю структурированный, тщательно отобранный и организованный контент, что особенно ценно в условиях информационной перегрузки [9]. Они упрощают сложное, предостав-

ляя четкие формы и структуры для людей, стремящихся найти смысл в океане данных.

Печатные издания остаются актуальными, воплощая собой идею упорядоченности и целостности в постоянно расширяющемся и фрагментированном информационном пространстве. Их роль в будущем, вероятно, будет связана не столько с оперативным информированием, сколько с глубокой аналитикой, формированием культурных смыслов и обеспечением когнитивной устойчивости в условиях информационной избыточности.

Список источников

1. Черных А. Мир современных медиа. Москва: Издательский дом «Территория будущего». 2007. С. 105 – 118.
2. Бойд-Баррелл О., Брэм П.П. Медиа, знания и власть. Лондон: Routledge. 2017. С. 123 – 156.
3. Моррис М., Оган К. Интернет как средство массовой информации // Журнал коммуникаций. 2018. № 46 (1). С. 39 – 50.
4. Яновиц М. Изучение массовой коммуникации // Международная энциклопедия социальных наук. Нью-Йорк: Macmillan and Free Press. 2019. С. 40 – 53.
5. Томпсон Дж. Б. Идеология и массовая культура. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2020. С. 67 – 92.
6. Кастельс М. Расцвет сетевого общества. Оксфорд: Оксфорд: Wiley Blackwell, 2021. С. 201 – 225.
7. Манович Л. Язык новых медиа. Кембридж: MIT Press, 2020. С. 78 – 94.
8. Дженкинс Х. Культура конвергенции: где сталкиваются старые и новые медиа. Нью-Йорк: Издательство Нью-Йоркского университета, 2021. С. 112 – 145.
9. Болц Н. Медиа-алфавит. Европейский журнал медиаисследований. 2019. № 8 (2). С. 45 – 67.
10. Фортунати Л. Размышления об опосредованной коммуникации в цифровую эпоху // Новые медиа и общество. 2022. № 24 (3). С. 215 – 242.

References

1. Chernykh A. The World of Modern Media. Moscow: Territory of the Future Publishing House. 2007. P. 105 – 118.
2. Boyd-Burrell O., Bram P.P. Media, Knowledge, and Power. London: Routledge. 2017. P. 123 – 156.
3. Morris M., Ogan K. The Internet as a Mass Media. Journal of Communications. 2018. No. 46 (1). P. 39 – 50.
4. Janowitz M. The Study of Mass Communication. International Encyclopedia of the Social Sciences. New York: Macmillan and Free Press. 2019. P. 40 – 53.
5. Thompson J.B. Ideology and Mass Culture. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 67 – 92.
6. Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Oxford: Wiley Blackwell, 2021. P. 201 – 225.
7. Manovich L. The Language of New Media. Cambridge: MIT Press, 2020. P. 78 – 94.
8. Jenkins, H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York: New York University Press, 2021. P. 112 – 145.
9. Bolz N. The Media Alphabet. European Journal of Media Studies. 2019. No. 8 (2). P. 45 – 67.
10. Fortunati L. Reflections on Mediated Communication in the Digital Age. New Media and Society. 2022. No. 24 (3). P. 215 – 242.

Информация об авторах

Бахадиванд Ч.З., аспирант, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, chakamesol@yahoo.com

Ильченко С.Н., доктор филологических наук, профессор, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, tv_and_radio@mail.ru

© Бахадиванд Ч.З., Ильченко С.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 3 / 2025, Vol. 4, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81-133

Структурно-семантические свойства немецких фразеологизмов с временным компонентом

¹ Яковлева Е.А.,

¹ Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Аннотация: фразеология – это наиболее живая и яркая часть словарного состава языка. Фразеологические единицы, при уместном их применении, оживляют и украшают речь. Фразеологизмам присущи метафоричность, образность, экспрессивно-эмоциональная окраска. Категория времени играет очень важную роль в языке, так как все объекты окружающей действительности, включая человека, существуют во времени и в пространстве. Концептуальная область, соотносимая с понятием времени, является одним из существеннейших компонентов понятийной картины мира. Очень многое в языке связано с темпоральными представлениями. В статье рассматриваются структурно-семантические особенности немецких фразеологизмов, содержащих временной компонент. Анализируются различные типы временных отношений, выражаемых в составе фразеологических единиц, включая указание на конкретное время, период, последовательность событий, частоту, длительность и момент наступления действия. Особое внимание уделяется семантической структуре фразеологизмов и роли временного компонента в формировании общего значения. Исследуется влияние временных характеристик на коннотативные и стилистические особенности фразеологизмов, а также их употребление в различных функциональных стилях. В работе предлагается классификация немецких фразеологизмов с временным компонентом на основе их структурных и семантических характеристик.

Ключевые слова: немецкий язык, фразеология, временной компонент, семантика, структура, временные отношения, классификация

Для цитирования: Яковлева Е.А. Структурно-семантические свойства немецких фразеологизмов с временным компонентом // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 3. С. 29 – 35.

Поступила в редакцию: 8 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 19 мая 2025 г.

Structural and semantic similarities of German phraseological units with a temporal component

¹ Yakovleva E.A.,

¹ Leningrad State University named after A.S. Pushkin

Abstract: phraseology is the most lively and vivid part of the vocabulary of the language. Phraseological units, when used appropriately, enliven and decorate speech. Phraseological phrases are characterized by metaphoricity, imagery, expressive-emotional coloring. The category of time plays a very important role in language, as all objects of the surrounding reality, including man, exist in time and space. The conceptual area correlated with the concept of time is one of the most essential components of the conceptual picture of the world. A lot of things in language are connected with temporal representations. The article examines the structural and semantic features of German phraseological units containing a temporal component. Various types of temporal relations expressed in phraseological units are analyzed, including an indication of a specific time, period, sequence of events, frequency, duration, and moment of action. Special attention is paid to the semantic structure of phraseological units and the role of the temporal component in the formation of the general meaning. The influence of temporal characteristics on the connotative and stylistic features of phraseological units, as well as their use in various functional styles, is investigated. The paper proposes a classification of German phraseological units with a temporal component based on their structural and semantic characteristics.

Keywords: the German language, phraseology, temporal component, semantics, structure, temporal relations, classification

For citation: Yakovleva E.A. Structural and semantic similarities of german phraseological units with a temporal component. Philological Bulletin. 2025. 4 (3). P. 29 – 35.

The article was submitted: February 8, 2025; Approved after reviewing: April 9, 2025; Accepted for publication: May 19, 2025.

Введение

Фразеология, как раздел лингвистики, занимающийся изучением устойчивых выражений, представляет собой обширную и многогранную область. Фразеологизмы, являясь неотъемлемой частью любого языка, отражают культурные, исторические и социальные особенности народа. Особый интерес представляют фразеологизмы, содержащие временной компонент, поскольку они тесно связаны с категорией времени, играющей ключевую роль в восприятии и организации человеческого опыта.

В немецком языке фразеологизмы с временным компонентом встречаются довольно часто и охватывают широкий спектр значений. Их исследование позволяет не только углубить понимание специфики немецкой фразеологии, но и пролить свет на особенности концептуализации времени в немецкой лингвокультуре. Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом к когнитивным аспектам языка, а также необходимостью систематизации и классификации фразеологического фонда немецкого языка [4].

Материалы и методы исследований

Данная тема актуальна несколькими факторами, а именно: динамикой развития современного немецкого языка, в котором постоянно появляются новые фразеологические единицы, а старые подвергаются семантической трансформации, возрастающим интересом к когнитивным аспектам фразеологии, позволяющим выявить взаимосвязь между языком и мышлением, также необходимостью систематизации и классификации фразеологического фонда немецкого языка для целей лексикографии, лингводидактики и межкультурной коммуникации.

Результаты и обсуждения

Что из себя представляют теоретические основы происхождения немецких фразеологизмов?

Для начала ответим на следующий вопрос: «Что же такое фразеологизм?» Фразеологизм – это устойчивое сочетание слов, обладающее целостным лексическим значением, которое нельзя вывести из суммы значений составляющих его компонентов. Иными словами, это языковая единица, существующая в готовом виде и воспроизводимая в речи целиком, а не создаваемая заново. Фразеологизмы украшают язык, делают его более выразительным, эмоциональным и живым [6].

Назначение фразеологизмов в языке многогранно, а теоретические основы возникают на стыке лингвистики, культурологии и психологии. Изначально, фразеологизмы формируются в устной речи, отражая коллективный опыт и мировоззрение народа. Рассмотрим более подробные примеры того, что можно выразить устойчивыми фразами:

- Во-первых, фразеологизмы служат средством экспрессивной характеристики явлений, предметов, действий и состояний. Вместо нейтрального описания, крылатое выражение позволяет дать яркую, образную оценку. Например, немецкий фразеологизм «Hals über Kopf» будет альтернативой для нашего фразеологизма: «быстро» – «сломя голову», а вместо «очень бедный» – «голый как сокол» они обычно употребляют – «Blank (und bloß) sein».

- Фразеологизмы выполняют функцию обобщения и типизации. Они выражают устойчивые представления о мире, закрепленные в языковом сознании. Многие устойчивые выражения отражают исторические события, обычаи, поверья и суеверия народа. Например, фразеологизмы:

«Das Abendmahl darauf nehmen» (разговорное) – означает дать клятву в чем-либо. Этот оборот речи берет начало в средневековой практике, когда обвиняемого, чью вину сложно доказать, заставляли проглотить кусок сухого хлеба или сыра. Исход дела решался в зависимости от того, легко ли он это делал или кусок застревал в горле.

«Den Stab über jmdn. brechen» (дословно «разломить палку над кем-либо») – эквивалентно вынесению приговора. Фраза отсылает к древнегерманскому суду, где осужденному на смерть зачитывали вердикт перед казнью, а судья разламывал деревянную палку на три части и бросал обломки к ногам преступника.

«Einen Korb bekommen, jmdm. einen Korb geben» (буквально «получить корзину», «дать корзину») – значит получить отказ или отказать жениху. Идиома произошла от старинного обычая, когда нежеланному жениху спускали из окна корзину с дырявым дном, чтобы он упал, если попытается подняться в ней.

«Den Teufel an die Wand malen» (дословно «нарисовать черта на стене», разговорное) – означает предсказывать худшее, запугивая других. Выражение основано на древнем суеверии, согласно

которому произнесение имени дьявола может навлечь беду или вызвать демона.

«Hals- und Beinbruch» (то есть «сломать шею и ноги») – это пожелание удачи, аналог нашего «Ни пуха, ни пера!». Фразеологизм связан с народным поверьем о том, что, пожелав кому-то несчастье, можно отвести его.

• Также фразеологизмы выполняют стилистическую функцию, придавая речи определенную окраску. Они могут быть нейтральными («считанные дни» – «Wenige Tage», «во всяком случае» – «Jedenfalls» или «Zumindest», «Wenigstens»), разговорными («бить баклуши» – Auf der Bärenhaut liegen (дословно: лежать на шкуре медведя), «делать из мухи слона» – «Aus einer Mücke einen Elefanten machen»), юмористическими («это же уму непостижимо», «глазам свои не верю», «просто в голове не укладывается» – Ich glaub', mein Schwein pfeift (дословно: «Мне кажется, моя свинья свистит»), «все в шоколаде» или «все идет как по маслу» – Alles in Butter (дословно: «Всё в масле»)).

Использование фразеологизмов позволяет говорящему или пишущему выразить свое отношение к предмету речи, создать определенное настроение и установить контакт с аудиторией [7].

Уделим внимание структурным особенностям немецких фразеологизмов с временным компонентом.

Фразеологизмы с временным компонентом представляют собой устойчивые выражения, в которых содержится указание на время (прошлое, настоящее, будущее) или временные отношения. В немецком языке такие фразеологизмы обладают рядом структурных особенностей, которые можно рассмотреть с точки зрения их морфологического, синтаксического и лексического состава. Структурно фразеологизмы с временным компонентом могут быть представлены в виде устойчивых словосочетаний, предложений или даже небольших текстов. Важно отметить, что значение такого фразеологизма не сводится к сумме значений его компонентов, а представляет собой целостную идиоматическую единицу. Категория времени может быть отражена через:

Имена существительные, обозначающие периоды времени: Zeit (время), Tag (день), Stunde (час), Jahr (год), Minute (минута). Например: «die Zeit totschiessen» (дословно «убивать время», то есть проводить время) [5].

Наречия, указывающие на время: Jetzt (сейчас), Bald (скоро), Früher (раньше), Später (позже). Например: «von jetzt auf gleich» (дословно «сейчас, на, сразу», что означает внезапно).

Глаголы, несущие временное значение: Warten (ждать), Vergehen (проходить – о времени), Dauern (длиться). Например: «die Zeit vergeht wie im Flug» (дословно «время проходит как в полете», что значит время летит незаметно).

Во многих устойчивых выражениях компонент времени сопровождается определенным или неопределенным артиклем, а также предлогами:

С определенным артиклем: «den Tag verschlafen» (проспать весь день), «die Zeit vertrödeln» (тратить время впустую).

С неопределенным артиклем: «einmal ist keinmal» (один раз не считается).

С предлогами: «auf die Minute genau» (точно в срок), «in letzter Minute» (в последнюю минуту) или же его синонимичное выражение — «Auf den letzten Druecker».

Немецкие фразеологизмы с временным компонентом отличаются разнообразием структурных моделей: они могут включать глагольные, именные и наречные конструкции, а также обладают богатой метафорикой. Они могут быть представлены следующими синтаксическими конструкциями:

Глагольные конструкции:

Глагол + существительное (в винительном падеже): «die Zeit verschwenden» (тратить время зря), «die Stunden zählen» (считать часы, томиться).

Глагол + предложное дополнение: «auf die lange Bank schieben» (откладывать на потом), «in die Jahre kommen» (стареть).

Именные конструкции:

Существительное + существительное (в родительном падеже): «kind seiner Zeit» (дитя своего времени), «Mann der Stunde» (человек момента).

Прилагательное + существительное: «goldene Zeiten» (золотые времена), «böse Stunde» (тяжелый час).

Наречные и предложные конструкции:

Предлог + существительное: «über kurz oder lang» (рано или поздно), «von Zeit zu Zeit» (время от времени).

Сравнительные конструкции: «wie ein Blitz aus heiterem Himmel» (как гром среди ясного неба).

Лексико-семантические особенности:

Многие фразеологизмы с временным компонентом обладают метафорическим значением, отличающимся от прямого смысла слов: «die Uhr tickt» (время истекает), «die Zeit arbeitet für jemanden» (время на чьей-либо стороне).

Некоторые выражения имеют антонимы или синонимы:

Антонимы: «die Zeit rennt» (время бежит) / «die Zeit steht still» (время стоит).

Синонимы: «die Zeit verstreichen lassen» и «die Zeit verrinnen lassen» (позволить времени проходить).

Отдельные выражения связаны с историческими событиями: «die Stunde Null» (послевоенное время в Германии), «die goldene Zeit» (золотой век, отсылка к античности).

Устойчивые выражения, содержащие указание на время, широко используются:

В разговорной речи («Ich habe keine Zeit zu verlieren!» – «У меня нет времени терять!»).

В деловом общении («Zeit ist Geld» – «Время – деньги»).

В немецком языке устойчивые выражения, содержащие указание на время, играют значительную роль, поскольку отражают огромное количество черт носителей языка. Они не просто фиксируют временные рамки, но и отличаются выразительностью, образностью и устойчивостью в употреблении.

Рассмотрим классификацию фразеологизмов с временным компонентом. Их можно систематизировать по нескольким категориям:

- Указание на продолжительность: «Eine Ewigkeit warten» (ждать целую вечность) – преувеличенное описание очень долгого ожидания. «Keine Minute zu früh» (ни минутой раньше) – акцент на строгой пунктуальности.

- Мгновенность или краткость: «Im Handumdrehen» (в мгновение ока) – быстрое выполнение чего-либо.

- «Von einer Sekunde zur anderen» (от одной секунды к другой) – неожиданное изменение ситуации.

- Прошлое и будущее: «Alte Zeiten beschwören» (воскрешать старые времена) – ностальгические воспоминания о прошлом. «Die Zeit arbeitet für jemanden» (время работает на кого-то) – благоприятное развитие событий в перспективе.

Немецкие фразеологизмы богаты на метафоры, образы и аллюзии, уходящие корнями в германскую мифологию, средневековые традиции и повседневную жизнь.

Одним из ярких примеров культурной специфики является использование животных в немецких фразеологизмах. Например, выражение «ein alter Hase» ((старый) опытный работник; мастер своего дела; отличный специалист (букв. старый (взрослый) заяц).) означает опытного человека в профессиональном отношении. Или же «ein junger Dachs» (разг. о неопытном молодом человеке (в профессиональном отношении)) – воен. жарг. молодой, неопытный солдат, «салага» (НРВС, с. 180.) [НРВ].

Также важна роль исторических реалий. Фразеологизм «so schnell schießen die Preußen nicht» (дословно: ‘так скоро пруссаки не стреляют’) ‘так быстро это не делается’. Создав огромную армию, прусский король Фридрих Вильгельм I (1688-1740) не торопился ввязываться в войну. Это и послужило поводом для такого устойчивого выражения».

Важно отметить, что понимание культурного контекста необходимо для правильной интерпретации немецких фразеологизмов. Без знания истории и традиций народа, многие из них покажутся непонятными или даже абсурдными. Изучение этих устойчивых выражений открывает окно в немецкую культуру и позволяет глубже понять менталитет носителей языка.

Что касается немецких фразеологизмов, связанных со временем, то они часто укоренены в исторических и бытовых реалиях. Например, «Auf die lange Bank schieben» (откладывать в долгий ящик) берет начало в средневековой юриспруденции, где дела, отложенные на «долгую скамью», рассматривались в последнюю очередь. «Morgenstund hat Gold im Mund» (утренний час золотом отлит) подчеркивает немецкую приверженность пунктуальности и продуктивности.

Фразеологизмы о времени нередко базируются на метафорах, таких как «Die Zeit rennt» (время бежит) для обозначения быстротечности жизни или «Die Zeit steht still» (время остановилось) для передачи ощущения замершего момента.

Некоторые крылатые выражения передают эмоциональное отношение ко времени, например, «Zeit totschiessen» (убивать время) – негативная оценка бесцельного времяпрепровождения, или «Die Zeit genießen» (наслаждаться временем) – положительное восприятие настоящего момента.

Многие временные фразеологизмы все еще актуальны, но некоторые устаревают. В деловом немецком преобладают нейтральные выражения, такие как «rechtzeitig erledigen» (выполнить вовремя).

Следовательно, можно сделать вывод, что немецкие фразеологизмы с компонентом времени демонстрируют богатство языка и его связь с культурой и историей. Они не только отражают временные отношения, но и передают эмоции, оценки и образное восприятие времени, что помогает лучше понять менталитет немецкоязычных народов.

Связь между структурой и семантикой фразеологизмов с временным компонентом проявляется в том, что структурные особенности (например, наличие определенных лексем, синтаксические модели) влияют на формирование семантического значения фразеологизма. Например, использова-

ние лексемы *Stunde* во фразеологизме «*die Stunde Null*» (час нуля) указывает на переломный момент, начало нового этапа.

В немецкоязычной культуре время воспринимается как многогранный ресурс, отражающий исторические, социальные и экономические реалии. Фразеологизмы с временным компонентом служат зеркалом ценностей, таких как пунктуальность, планирование, терпение и баланс. Эти выражения не только обогащают язык, но и раскрывают глубину мировосприятия носителей [3].

Немецкие идиомы часто подчеркивают важность рационального использования времени, что связано с влиянием индустриализации и протестантской трудовой этики: «*Zeit ist Geld*» («Время – деньги»), обычно понимается как: потеря времени равносильна потере денег – афоризм, заимствованный у Бенджамина Франклина, стал символом бережливости и продуктивности. «*Keine Zeit verlieren*» («Не терять времени») – отражает стремление к действию, характерное для культуры, где опоздания считаются неуважением.

Эти выражения формируют установку на эффективность, особенно в профессиональной среде. Они подчеркивают стремление к результату, к оптимизации процессов и к постоянному улучшению. В бизнесе и карьере такая установка становится компасом, направляющим действия к достижению целей и превосхождению ожиданий.

Парадоксально, но немецкий язык также невероятно богат фразеологизмами, призывающими к выдержке: «*Kommt Zeit, kommt Rat*» («Придет время – придет совет») – вера в то, что решения находятся в процессе ожидания. «*Alles zu seiner Zeit*» («Всему своё время»), «*Jedes Ding hat seine Zeit*» («Каждое дело имеет своё время») – отсылка к аграрным традициям, где циклы природы диктовали ритм жизни.

Такие идиомы отражают уважение к естественному ходу событий и критику поспешных решений. В них заложена мудрость поколений, наблюдательность и умение видеть причинно-следственные связи в окружающем мире. Народная мудрость, заключенная в этих кратких и емких высказываниях, призывает к терпению, осмотренности и умению дожидаться подходящего момента. «*Wer sachte fährt, kommt auch ans Ziel*» («Тише едешь – дальше будешь») напоминает о том, что скорость не всегда является залогом успеха, и что иногда медленный, но уверенный подход оказывается более эффективным в долгосрочной перспективе. «*Mach mal halblang*» («Сделай половинную длину») – призыв не перегружать себя, что смягчает стереотип о вечной спешке.

Пословицы, подчеркивающие ценность терпения и размеренности, часто противопоставляются поговоркам, восхваляющим быстроту и решительность. Однако, они не отрицают необходимости действий, а лишь предостерегают от импульсивности и необдуманных шагов. Они учат взвешивать все «за» и «против», оценивать риски и планировать свои действия, а не бросаться в омут с головой – «*in Dinge zu stürzen*», полагаясь на удачу.

Кроме того, подобные изречения отражают глубокое понимание взаимосвязи человека и природы. Природа живет по своим законам, и попытки ускорить естественные процессы часто приводят к нежелательным последствиям. Фразеологизм – «всему свое время» напоминает о том, что каждому явлению и событию отведено определенное место в цикле жизни, и что нарушение этого порядка может привести к дисбалансу и негативным последствиям.

Многие выражения уходят корнями в прошлое, например: «*Morgenstund' hat Gold im Mund*» («Утренний час золотом рот полон») – прославляет ранний подъем, связывая его с успехом и благополучием. Такие фразы обычно сохраняют связь с историей, подчеркивая преемственность поколений [2].

Некоторые идиомы носят почти экзистенциальный характер: «*Die Zeit heilt alle Wunden*» («Время лечит все раны») – вера в исцеляющую силу времени. «*Es ist noch nicht aller Tage Abend*» («Еще не вечер всех дней») – оптимизм, напоминающий, что шансы есть до последнего момента. «*Es ist höchste Eisenbahn etw. zu tun*» («Самое время сделать что-либо»). Эти выражения раскрывают стоическое отношение к трудностям, характерное для немецкого менталитета.

Проведём небольшой сравнительный анализ немецких фразеологизмов и русских. Итак, в русском языке слово «время» берет свои корни от слова «время», имеющего связь с глаголами «вертеть» и «веретено». Исходя из этого, русское восприятие времени подразумевает его цикличность, повторение и закономерность. В немецком языке, где время обозначается словом «*Zeit*», прослеживается иное представление – линейное. Это связано с глаголом «*ziehen*» (тянуть), что подразумевает прямую линию.

Таким образом, русский язык отражает представление о времени как о движении по кругу, о циклах, например, «к майским праздникам», «к октябрьским», «на крещение». В то же время, немецкий подход предполагает, что время – это прямая линия, одномерная, направленная в одну сторону и необратимая. Время постоянно движется вперед, и каждое мгновение его уникально. Его

течение невозможно остановить или обратить вспять, согласно данной концепции.

Исследуя русскую фразеологию, В.Н. Телия подчеркивала, что отраженное в идиомах время нередко определяется через телесные ощущения («в мгновение ока», моментально), указывает на абстрактные, неопределенные периоды («после дождика в четверг», совсем недавно), эмпирически «вычисленные» обстоятельства («битый час», «задним числом») или «эпохи», понятые в контексте религиозных или мифологических источников (в стародавние времена, со времен Адама). В немецком языке, среди фразеологических единиц, связанных с осмыслением времени, его восприятием или проведением, также присутствуют конструкции, включающие соматические элементы (jmdm. auf den Füße treten, jmdm. auf die Zehen treten; auf Adlersflügeln, im Handumdrehen), характеризующие нереальные временные рамки (wenn Ostern und Pfingsten auf einen Tag fallen) или ситуации, длительность которых измеряется «внутренним хронометром», временем не фактическим, а ощущаемым (für Zeit und Ewigkeit, jeden Augenblick, mit dem Glockenschlag, wie im Fluge).

Представление о «вневременных ситуациях» и сопоставление времени с движением частей тела менее характерно для немецкой фразеологии, чем для русской, хотя слово «Augenblick» уже само по себе является «соматически измеренной реакцией». И если русские "идиомы не измеряют время, а характеризуют его", то немецкие стремятся охарактеризовать его через измеряемое, их образной основой чаще является реальный отрезок или момент времени (seit Jahr und Tag, es ist fünf [Minuten] vor zwölf in zwölfter Stunde, in Minutenschnelle, in Sekundenschnelle).

Неодинаковое понимание термина «фразеологизм» в русской и немецкой лингвистике создает сложность при сопоставительно изученных идиомах в этих странах. Например, В.Н. Телия приводит в примере русское выражение «битый час», а в словаре Дудена видно немецкое «eine geschlagene Stunde» оно не классифицируется как фразеологизм.

Подчеркивается более высокая степень упорядоченности немецкой фразеологии по сравнению с русской, что проявляется в частом повторении одних и тех же элементов в составе конечных фразеологических единиц и редком использовании уникальных компонентов. Эта закономерность и системность наблюдаются как в проявлении «временных» фразеологизмов, так и в выраженных ими образах. Неудивительно, что наиболее распространенным компонентом в идиомах, относящихся к той эпохе, является «-zeit-»: es ist al-

lerhöchste Zeit, zu nachtschlafender Zeit, jmdm./ sich die Zeit mit etw. vertreiben, die fünfte Jahreszeit (наступило самое лучшее время, ночной порой, скоротать время, последний фразеологизм «пятое время года» довольно интересный, так как обозначает торжество, которое отмечается в Германии до наступления предпасхального поста, также это устойчивое выражение может обозначить период, в течение которого разворачивается событие, влияющее на ритм жизни человека). Другие компоненты, часто встречающиеся в подобных фразеологизмах: -tag-, -lang-, -kurz-, -stund-, -schritt-, -leb-, -schnell-: ewig und drei Tage (целая вечность), dem lieben Gott den Tag stehlen (бездельничать), auf lange/ kurze Sicht (в долгосрочной или краткосрочной перспективе), binnen kurzem (в короткий срок), die Stunde X (час икс), im Sauseschritt (галопом по Европам), auf die Schnelle (на скорую руку), in Sekundenschnelle (мгновенно), mit Blitzesschnelle (очень быстро, молниеносно).

Подводя итог, немецкие временные фразеологизмы – это не просто языковые конструкции, а ключ к пониманию культурного кода. Они сочетают прагматизм с философской глубиной, отражая стремление к порядку, уважение к природным ритмам и веру в рациональное преодоление кризисов. Такие идиомы формируют уникальный культурный нарратив, где время одновременно является ресурсом, учителем и союзником.

Выводы

Фразеологизмы играют важную роль в языке, выполняя экспрессивную, обобщающую, стилистическую функции. Они украшают речь, делают ее более образной и выразительной, так как они – это живая ткань языка, свидетельствующая о его богатстве и неисчерпаемых возможностях.

Проведенное исследование структурно-семантических свойств немецких фразеологизмов с временным компонентом позволило выявить ряд ключевых особенностей, определяющих их функционирование в языке и культуре. Было установлено, что временной компонент во фразеологизмах играет не только роль маркера времени, но и является носителем коннотативных и культурно-специфических смыслов [8].

Анализ структуры показал, что фразеологизмы с временным компонентом демонстрируют разнообразие моделей, отражающих сложность и многогранность выражения временных отношений. Семантический анализ выявил, что временные фразеологизмы часто используются для выражения понятий, связанных с опытом, традициями и культурными ценностями.

Полученные результаты имеют практическую значимость для преподавания немецкого языка,

лексикографии и межкультурной коммуникации. Перспективы дальнейших исследований связаны с более детальным изучением когнитивных аспектов фразеологии, а также с сопоставительным анализом немецких фразеологизмов с временным ком-

понентом с аналогичными фразеологизмами в других языках. Это позволит расширить понимание универсальных и специфических черт концептуализации времени в различных лингвокультурах.

Список источников

1. Базаров А. Фразеологизмы как зеркало национальной культуры немецкого народа / Министерство образования и науки республики Бурятия МОУ Багдаринская средняя общеобразовательная школа XV научная конференция юных исследователей «Шаг в науку». 2010.
2. Брискина Е.В. Грамматические особенности немецких фразеологизмов как индикатор их смысловой и структурной целостности. Тамбов Изд.: «Грамота», 2020.
3. Дальжанова С.С. The symbolism of the number “three” in phraseological units of the German language // Молодой ученый. 2020. № 6 (296).
4. Данилова В.А. Фразеологические единицы немецкого языка с фитонимическим стержневым компонентом как отражение медицинских представлений средневековья / Московский государственный лингвистический университет. Москва, 2022.
5. Манёрова К.В. «Немецкие фразеологизмы со значением «время» в аспекте воспроизводимости». Германистика 2020: nove et nova : Третья международная научная конференция: 3-я Международная научно-практическая конференция – МГЛУ. Москва, 2020.
6. Толибаева Г., Абдреймова Д. Фразеологические единицы немецкого языка и их состав // Международный журнал литературы и языков. 2023.
7. Хамидова Т.Р. Современные подходы к изучению национально-культурной специфики немецких фразеологических единиц // Современная филология: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). Уфа : Лето, 2011. С. 227 – 229.
8. Begasheva S.N., Application of phraseological units of the german language. Department of German Language and Literature Termez State University, UZBEKISTAN. 2020.

References

1. Bazarov A. Phraseologisms as a mirror of the national culture of the German people. Ministry of Education and Science of the Republic of Buryatia MOU Bagdara Secondary Comprehensive School XV Scientific Conference of Young Researchers "Step into Science". 2010.
2. Briskina E.V. Grammatical Features of German Phraseologisms as an Indicator of Their Semantic and Structural Integrity. Tambov Publ.: "Gramota", 2020.
3. Dalzhanova S.S. The symbolism of the number “three” in phraseological units of the German language. Young scientist. 2020. No. 6 (296).
4. Danilova V.A. Phraseological Units of the German Language with a Phytonymic Core Component as a Reflection of Medieval Medical Ideas. Moscow State Linguistic University. Moscow, 2022.
5. Manyorova K.V. "German phraseological units with the meaning "time" in the aspect of reproducibility". German studies 2020: nove et nova: Third international scientific conference: 3rd International scientific and practical conference – Moscow State Linguistic University. Moscow, 2020.
6. Tolibayeva G., Abdreimova D. Phraseological units of the German language and their composition. International journal of literature and languages. 2023.
7. Khamidova T.R. Modern approaches to the study of the national and cultural specificity of German phraseological units. Modern philology: materials of the I International. scientific conf. (Ufa, April 2011). Ufa: Summer, 2011. P. 227 – 229.
8. Begasheva S.N., Application of phraseological units of the german language. Department of German Language and Literature Termez State University, UZBEKISTAN. 2020.

Информация об авторе

Яковлева Е.А., аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 196605, г. Санкт-Петербург, Петербургское ш., 10, kitya-85@mail.ru

© Яковлева Е.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 3 / 2025, Vol. 4, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81`255

Перевод баллады о любви Владимира Высоцкого на английский язык в контексте жанровой преемственности

¹ Гудий К.А., ² Егорова О.А.,

¹ Тверской государственный университет,

² Тверской государственный технический университет

Аннотация: в статье представлен краткий обзор развития лироэпического фольклорного жанра баллады в литературе от Средневековья до наших дней. Рассматриваются современные переводы баллады В.С. Высоцкого на английский язык, выполненные Сергеем Ройем и Вадимом Астраханом, как различные типы межъязыковых коррелятов оригинального текста: коррелят-аналог, коррелят-вариант и коррелят-эквивалент; признаки эквивалентного перевода. Проводится лексико-семантический и стилистический анализ частичных и полных несоответствий перевода стилистических средств выразительности, используемых при описании ключевых образов «любви», «времени», «дыхания» и «ветра», элементам оригинального текста (метафор, фразеологизмов и др.). Результаты проведенного практического исследования и статистического анализа показывают, что переводчики преимущественно используют такие переводческие стратегии, как приём генерализации, синонимический перевод, описательный перевод, калькирование) – эти приемы являются частичными соответствиями лексических единиц оригинального текста; установлено, что полные несоответствия русских и английских эквивалентов наблюдаются при использовании переводчиками приемов опущения или «добавления»), а полные соответствия зафиксированы при национально-культурной адаптации текста оригинала к тексту перевода. Материалы исследования могут быть использованы в разработке спецкурсов по стилистике английского языка, теории и практике перевода с русского языка на английский язык.

Ключевые слова: баллада, перевод, концепт, любовь, поэзия, коррелят

Для цитирования: Гудий К.А., Егорова О.А. Перевод баллады о любви Владимира Высоцкого на английский язык в контексте жанровой преемственности // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 3. С. 36 – 41.

Поступила в редакцию: 10 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 19 мая 2025 г.

Translation of Vladimir Vysotsky's ballad of love into English in the context of genre continuity

¹ Gudiy K.A., ² Egorova O.A.,

¹ Tver State University,

² Tver State Technical University

Abstract: the article provides a brief overview of the development of the lyroepic folklore genre of ballads in literature from the Middle Ages to the present day. Modern translations of V.S. Vysotsky's ballad into English, performed by Sergey Roy and Vadim Astrakhan, are considered as different types of interlanguage correlates of the original text: correlate-analog, correlate-variant and correlate-equivalent; signs of equivalent translation. The lexico-semantic and stylistic analysis of partial and complete inconsistencies between the translation of stylistic means of expression used in describing key images of "love", "time", "breath" and "wind", elements of the original text (metaphors, phraseological units, etc.) is carried out. The results of the conducted practical research and statistical analysis show that translators mainly use such translation strategies as generali-

zation, synonymous translation, descriptive translation, and calculus) – these techniques are partial correspondences of lexical units of the original text; it has been established that complete inconsistencies between Russian and English equivalents are observed when translators use techniques of omission or "addition"), and full correspondences are recorded during the national and cultural adaptation of the original text to the translation text. The research materials can be used in the development of special courses on the stylistics of the English language, theory and practice of translation from Russian into English.

Keywords: ballad, translation, concept, love, poetry, correlate, image

For citation: Gudiy K.A., Egorova O.A. Translation of Vladimir Vysotsky's ballad of love into English in the context of genre continuity. Philological Bulletin. 2025. 4 (3). P. 36 – 41.

The article was submitted: February 10, 2025; Approved after reviewing: April 12, 2025; Accepted for publication: May 19, 2025.

Введение

Баллада, являясь лироэпическим фольклорным и литературным жанром, получившим широкое распространение в странах Европы, сочетает в себе лирическое начало и сюжетное повествование. С одной стороны, баллада написана по законам лирики: определенным стихотворным размером, ритмом, с соблюдением рифмовки, строфики. Но, с другой стороны, по содержанию она близка к эпическим жанрам. Кроме этого, баллада – это авторская вымышленная фантастическая история, в которой переплетаются история, культура, символизм и индивидуальный стиль поэта. Ярким примером этого жанра является баллада В. Высоцкого о любви, в которой автор описывает концепты «любви», «времени», «ветра» и «дыхания». В этой связи задача переводчиков усложняется: помимо передачи на язык перевода культурно-маркированной лексики необходимо подобрать точные эквиваленты для ключевых концептов, а также отразить на языке перевода жанрово-стилистическое своеобразие баллады как одного из исторически сложившегося типа художественного произведения.

Материалы и методы исследований

Материалом практического исследования послужила «Баллада о любви» В. Высоцкого и ее переводы на английский язык, выполненные С. Ройем и В. Астраханом. Теоретической базой исследования являются работы Рецкера Я.И., который описывает виды переводческих лексических соответствий (эквивалентов) по объему информации и научные труды Феединой Н.В. о поэзии В.С. Высоцкого, о ключевых образах, о соотношении ролевого и лирического героев в произведениях поэта. Методы исследования: описательный метод, сопоставительный метод и метод компонентного анализа.

Жанр поэтической баллады имеет богатую историю, поскольку развивался на протяжении столетий, вбирая в себя черты фольклора, литературы и музыки. Примечательно, что первые баллады

зародились в Средневековье как жанр устного народного творчества, сопряженного с народными песнями. В контексте стихотворства существительное «баллада», подразумевающее жанр французской куртуазной поэзии трубадуров, впервые упоминается в провансальских рукописях конца XIII века. Тогда как в Британии расцвет балладного жанра наступает в XV веке с распространением героических баллад о Робине Гуде, где нашли свое отражение фрагментарность повествования, динамичность и диалогичность, сопровождаемые мистификацией сюжетных событий и обязательным столкновением «с роком, судьбой, смертью» [4, с. 321]. Таким образом, в западноевропейской литературе эволюция жанра баллады продолжалась до начала XX века, когда были написаны «Казарменные баллады» или «Barrack – Room Ballads» Ричарда Киплинга 1892 года.

При этом русская баллада ассоциируется с творчеством поэта и переводчика В.А. Жуковского, создавшего примерно 40 баллад, представляющих переводные пересказы произведений английских и немецких поэтов. Поэт условно разделял свои баллады на 3 вида: «русские», «античные», а также «средневековые», например, «Рыцарь Роллон». Исключительной заслугой этого поэта является умение адаптировать тематику любовной меланхолии, присущую западным балладам, к морально-нравственной проблематике русского характера. Как следствие, в контексте русской словесности баллада преодолела длительный тернистый путь, и на каждом витке исторического развития этот жанр впитывал специфику национального мировоззрения, историко-мифологическое понимание и ритмы жизни русского народа. Баллады пользовались большой популярностью и у поэтов Серебряного века, в частности, Н. Гумилёва, А. Блока, М. Цветаевой и других мастеров стихосложения, подготовивших почву для дальнейшего развития данного жанра в рамках советской поэзии, включая авторскую песню, ярким пред-

ставителем которой является Владимир Семёнович Высоцкий.

Поэтическое мастерство В.С. Высоцкого и проявление авторской модальности в образах лирического героя, героя-маски, ролевого персонажа рассмотрены в ряде современных монографий и исследований, например, в работах Н.В. Феединой [7], В.И. Новикова [5]. В названиях ряда произведений великий бард использует слово «притча», «случай», «баллада». В.И. Новиков, который длительное время исследовал биографию поэта, отмечает: «В песнях Высоцкого русская поэзия шагнула навстречу прозе, навстречу сюжетности» [5, с. 244]. Владимир Высоцкий в своих стихах-балладах существенно расширил традиционные границы этого жанра, привнеся в него ряд новаторских элементов. Прежде всего, В.С. Высоцкий вывел балладу из рамок классического романтизма и средневекового фольклора, повествуя не о мифических героях, а о простых современниках, тем самым делая её доступной для широкой советской аудитории. Вдобавок поэт наделил свои баллады глубоким психологизмом и драматизмом, акцентируя внимание на проблематике внутренних конфликтов персонажей. В контексте музыкального новаторства поэт использовал разговорную риторику, жёсткий ритм тактового стиха и гитарный аккомпанемент, превращая свои баллады в мини-спектакли, что отличалось от традиционной напевности баллад. Опираясь на дефиницию о балладе как жанре «лирической поэзии с повествовательным сюжетом на легендарную, историческую... или бытовую тему» [3], отметим, что толкование данного понятия в литературоведении остается нечётким. Помимо традиционных характеристик баллады, таких как, драматизм сюжета, лиризм, диалогичность, а также музыкальность, в песенном творчестве В.С. Высоцкого баллада обогатилась элементами психологического и социального выступления, наполненного современным содержанием, что приблизило советскую балладу к драме, песне-монологу и публицистике. Так в «Балладе о времени» и «Балладе о любви» В.С. Высоцкий посредством абстракции представляет такие важные концепты, как время и любовь. Отметим, что «Баллада о любви» была написана поэтом в 1975 году по заказу режиссёра фильма «Стрелы Робин Гуда», однако, не вошла в финальную версию фильма, впервые прозвучав для широкой аудитории на премьере другого фильма, посвященного доблести рыцаря Айвенго. Следует отметить, что «Баллада о любви», помимо элементов романтики, содержит откровенные размышления о жертвенности и страхе перед новыми чувствами.

Проведём лексико-семантический и стилистический анализ ключевых образов в «Балладе о любви» Владимира Высоцкого в контексте их перевода на английский язык, а также исследуем соизмеримость отражения новаторских поэтических приёмов автора в переводах.

«Баллада о любви» В.С. Высоцкого 1975 года, состоящая из 6 шестистиший и 3 четверостиший, представляет стихотворную абстракцию любовных переживаний, сила которых преодолевает физические и временные барьеры, а также объединяет людей на глубинном мистическом уровне. Любовь описана автором как духовная связь, существующая вне материального мира. Обратимся к начальным строкам произведения [2, с. 31]:

*Когда вода Всемирного потопа
Вернулась вновь в границы берегов,
Из пены уходящего потока
На сушу тихо выбралась Любовь –
И растворилась в воздухе до срока,
А срока было – сорок сороков...*

В начальной строке поэт применяет метафору с аллюзией на библейский Всемирный потоп, подразумевая мистичность, а также божественную суть любви, неожиданно появляющейся из пены морского потока. Обратим внимание, что в книге Откровений Священного Писания «словом «море» обозначается всё зло мира, которого на новой земле уже не будет» [1]. В третьей и четвертой строках любовь олицетворяется до уровня живого существа, способного выбираться на берег. Помимо олицетворения чувства любви в данных строках примечательна авторская ступенчатая рифмовка на основе аллитерации согласного «к» в существительных «потока» и «срока» в третьей и шестой клаузулах, а также промежуточного ассонанса гласного «а» между первой и третьей строкой стиха. Помимо рифмы эти существительные способствуют образованию новых смысловых ассоциаций между концептом «любовь» и сферой её безграничности в контексте времени и пространства. В финальной строке В. Высоцкий использовал архаический фразеологизм «сорок сороков», который имеет несколько коннотаций в зависимости от контекста. Отметим, что числительное «сорок» в древнерусской культуре имело сакральное значение, ибо входило в состав таких выражений, как «40 дней поста» или «40 мучеников». Тогда как удвоение числа или «сорок сороков» подразумевало многократное наращивание бесчисленности. В фольклорной русской традиции выражение «сорок сороков» или 1600 могло обозначать приблизительное количество церквей в Москве, придавая городу коннотации святости, духовного богатства, религиозной значимости. Как следствие,

данный фразеологизм может нести оттенки множества, святости, и в контексте баллады приобретает коннотацию «*большого количества чего-либо*» [3], сопрягая концепт любви с категорией божественности и многоликости, формируя при этом неповторимое взаимодействие смысловых полей.

Англоязычный перевод исследуемого шестистишия представлен Сергеем Роем следующим образом (1990 г.) [10]:

"When the Flood's waters started to abate, and waves ceased over all the earth to roam, love crawled ashore, bedraggled and sedate, Out of the muddy whirlpools and the foam, and vanished into thin air to await its time – though who could say when it would come?"

Во второй строке на английском языке (с буквальным переводом: «и перестали волны по всей земле бродить») [8] отсутствует авторская развернутая метафора о возвращении воды к берегам. Третья строка перевода *"Love crawled ashore, bedraggled and sedate"* (дословно: «Любовь выползла на берег, запачканная и степенная»), содержит глагол *"to crawl"* со значением «ползти» [там же], который значительно снижает возвышенность образа любви, разрушая также и мистический ареол вокруг данного концепта. Причастие прошедшего времени *"bedraggled"*, как и прилагательное *"sedate"* («запачканная» и «степенная») [8], демонстрируют наращивание авторской смысловой парадигмы дополнительными словоформами. Эти дополнения преуменьшают символическую величественность чувства любви в переводном аналоге. Тогда как для передачи фразеологизма "сорок сороков" на английский язык в заключительной строке (дословный перевод: «Её время – но кто мог сказать, когда оно наступит?») [8], переводчик использует приём генерализации, что лишает текст культурно-маркированной лексики.

Во второй строфе поэт усиливает проблематику любовных переживаний и вводит олицетворенный образ дыхания, противопоставляя его угрозе наказания и другим рискам. Однако «чудаки» пренебрегают опасностями и «попадают в такт такого же неровного дыхания». Отождествляя любовь с дыханием, В.С. Высоцкий в последующем четверостишии подчёркивает, что любовь естественна, как вдох и выдох, поэтому необходима для выживания. Поэт заявляет, что данное чувство способно «долго оставаться на плаву» [2], так как «я люблю» подразумевает «то же, что дышу, или живу!». Таким образом, В.С. Высоцкий актуализирует триаду из трёх глаголов «любить», «дышать» и «жить», отмечая, что любовь подразумевает суть существования.

В дальнейшем повествовании В.С. Высоцкий затрагивает проблематику двоякости чувства любви, в котором есть не только радость, но и борьба, страдание, и они превращают любовь в одну из самых драматичных тем человеческой жизни. Для актуализации проблематики драматизма данного чувства рассмотрим четвертое шестистишие произведения [2, с. 31]:

*Но всячь безумцев не поворотить,
Они уже согласны заплатить.
Любой ценой – и жизнью бы рискнули,
Чтобы не дать порвать, чтоб сохранить
Волшебную невидимую нить, Которую меж
ними протянули....*

В начальной строке, помимо устаревшего книжного наречия «*всаять*» со значением «назад, обратно» [3], поэт использует олицетворение, ибо любовь здесь наделяется силой, способной управлять людьми, делая их «безумцами». В третьей строке авторская гипербола «любой ценой – и жизнью бы рискнули» подчёркивает готовность на крайние жертвы ради сохранения любви. Тогда как в четвертой строке мы находим синтаксический повтор с подчинительным союзом «чтобы», который также обеспечивает параллелизм элементов «чтобы не дать порвать» и «чтоб сохранить», имеющих схожую семантическую структуру. Как следствие, данный параллелизм способствует усилению эмоционального напряжения, представленного в заключительных строках метафорой сравнения любви с волшебной нитью, подразумевающей магическую связь, которая незримо соединяет пару влюбленных.

Обратимся к английской версии данного шестистишия [10]: *"You cannot drive the madmen back – they say, Just name the price, and we will promptly pay. They'll pay the highest price – they'll risk their lives to keep the thread from breaking, to prevent the magic golden thread from being rent – the flimsiest and the strongest of all ties"*. В начальной строке перевода *"You can not drive the madmen back – they say"* (дословно: «Безумцев не прогонишь – они говорят») [7], теряется интонационная выразительность разговорного просторечия В.С. Высоцкого. Кроме этого, добавлена конструкция *"they say"*, которая отсутствует в оригинале. Во второй строке аналога, дословно переводимой как: «Назови цену, и мы быстро заплатим», присутствует искажение смысла оригинала, в котором нет императива о цене, а также наречия *"promptly"* с коннотацией «быстро, незамедлительно». В третьей строке переводчик использует словосочетание *"the highest price"*, означающее буквально «самая высокая цена», которое звучит более абстрактно и нейтрально, нежели авторская метафора «любой

ценой». Тогда как в предпоследней строке переводчик отождествляет чувство любви метафорой *“the magic golden thread”* со значением «волшебная золотая нить», в котором добавление прилагательного *“golden”* («золотая») семантически трансформирует и искажает авторскую метафору – «волшебную невидимую нить». Финальная строка *“The flimsiest and the strongest of all ties”* (с дословным переводом: «самую хрупкую и самую прочную связь») [там же] представляет синтагму, которой нет в оригинале. Проведённый анализ переводного текста указывает на значительные несоответствия межъязыковых коррелятов оригиналу: перевод на английский язык представляет собой вольную трактовку оригинала, которая ослабляет энергичный и резкий ритм баллады В.С. Высоцкого. Другими словами, перевод можно охарактеризовать как «аппроксимацию», то есть приблизительное соответствие, коррелят-вариант оригинала.

Результаты и обсуждения

Статистический анализ приёмов передачи образов «любви» и «дыхания» в балладе Высоцкого на английский язык Сергеем Роем показывает, что около 45 % элементов переводного текста частично соответствуют оригиналу (приём генерализации; синонимический перевод; описательный перевод; калькирование); 25 % являются полными несоответствиями (опущения или «добавления») и 30 % – полные соответствия (эквивалентный перевод).

Невысокая степень соответствий межъязыковых коррелятов [6] оригиналу обусловлена специфической образностью и разговорной риторикой великого поэта В.С. Высоцкого. Таким образом, перевод Сергея Роя лишь частично передаёт основную идею баллады о силе и трагичности любви, а также её способности возрождать и разрушать.

«Баллада о любви» В. Высоцкого вдохновила многих авторов на англоязычные интерпретации текста, среди которых нельзя не отметить перевод Вадима Астрахана, 2012 г. [9]. В целом, перевод этого автора сохраняет основные образы и идеи оригинала, однако, в корреляте-аналоге наблюдаются некоторые нестыковки с первоисточником. Так во втором четверостишии баллады Владимир Высоцкий индуцирует образ «ветра», который символизирует силу любви, способную как разрушать, так и возрождать, подчеркивая, что *«Свежий ветер избранных пьянил, с ног сбивал, из мертвых воскрешал»* [2]. Переводчик в своей интерпретации опускает значимый образ ветра, под-

меняя его более абстрактным высказыванием *“The tempest in their blood, knocked them down and from the dead revived”*, переводимой дословно как «Буря в их крови сбивала их с ног и воскресила из мёртвых» [8], причем эта строка значительно упрощает авторскую проблематику противоречивости данного чувства. В последующем шестистишии драматизм любви достигает кульминации, ибо любовь рассматривается в качестве причины гибели людей: как физической, так и духовной. В финальных строках данного столбца поэт предлагает поставить *«свечи в изголовье погибшим от невиданной любви...»* [2]. Образ *«погибших от невиданной любви»*, то есть трагический образ тех, кто стал жертвой слишком сильной любви, в переводе представлен строкой *“...those who perished from this love unseen”*, означающей *«...тех, кто погиб от этой невидимой любви»* [8]. Подобная интерпретация меняет смысловую парадигму оригинала, в котором авторская «невиданная» любовь (то есть прилагательное «невиданная» в значении «необычная») в переводе заменяется прилагательным «невидимая» (отличающимся семантикой и коннотацией от первого).

Статистический анализ второго перевода на английский язык показывает, что процент лексико-семантических, стилистических несоответствий составляет не более 20 % текста оригинала. Однако переводчик заметно упрощает текст и не точно отражает оригинальную семантику исходного текста. Соответственно, перевод Вадима Астрахана можно отнести к такому типу межъязыковых коррелятов, как коррелят-аналог.

Выводы

Безусловно, перевод баллады В.С. Высоцкого на иностранный язык – это сложная переводческая задача. Это объясняется, прежде всего, спецификой самого жанра баллады, а также особым образным и экспрессивным стилем речи В.С. Высоцкого. При этом среди средств выразительности, способствующих раскрытию новаторских приёмов психологизма и драматизма образов «любви», «времени», «дыхания» и «ветра», как в оригинальной балладе Владимира Высоцкого, так и в ее переводах на английский язык, преобладают метафоры и фразеологизмы, которые являются «капканами» для мастеров перевода. Соответственно, эквивалентный перевод баллады напрямую зависит от точности передачи именно этих средств выразительности. В случае решения этой нетривиальной задачи текст перевода имеет все шансы стать коррелятом-эквивалентом, а не коррелятом-аналогом или коррелятом-вариантом.

Список источников

1. Вихлянцев В.П. Библиейский словарь: к русской канонической Библии. М.: Сам полиграфист, 2010. 517 с.
2. Высоцкий В.С. Собрание сочинений: в 4-х кн. М.: Надежда-1, 1997. Книга 2. С. 31 – 32.
3. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: АСТ: Астрель, 2005. 640 с.
4. Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Исследования и разборы. Екатеринбург: Словесник, 2010. 904 с.
5. Новиков В.И. Высоцкий. М.: Молодая гвардия, 2018. 492 с.
6. Рецкер Я.И. Плагиат или самостоятельный перевод? (Об одной судебной экспертизе) // Тетради переводчика. 1963. № 1. С. 42 – 64.
7. Федина Н.В. О соотношении ролевого и лирического героев в поэзии В.С. Высоцкого // В.С. Высоцкий: исследования и материалы: сб. статей. Воронеж: Воронежский государственный университет им. Ленинского комсомола, 1990. С. 105 – 117.
8. Электронный словарь Мультитран [Электронный ресурс]. URL: <https://www.multitrans.ru/c/m.exe?a=DownloadFile> (дата обращения: 17.01.2025)
9. Vadim Astrakhan. The ballad of love. [Электронный ресурс], 2012. URL: <https://wysotsky.com/1033.htm?1308> (дата обращения: 27.01.2025)
10. Sergei Roy. A Ballad about Love. [Электронный ресурс], 1990. URL: <https://wysotsky.com/1033.htm?698> (дата обращения: 07.01.2025)

References

1. Vikhlyantsev V.P. Bible Dictionary: to the Russian Canonical Bible. Moscow: Sam Polygraphist, 2010. 517 p.
2. Vysotsky V.S. Collected Works: in 4 books. Moscow: Nadezhda-1, 1997. Book 2. P. 31 – 32.
3. Efremova T.F. Explanatory Dictionary of Word-Formation Units of the Russian Language. Moscow: AST: Ast-rel, 2005. 640 p.
4. Leiderman N.L. Genre Theory. Research and Analysis. Yekaterinburg: Slovesnik, 2010. 904 p.
5. Novikov V.I. Vysotsky. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2018. 492 p.
6. Retsker Ya.I. Plagiarism or independent translation? (On one forensic examination). Translator's Notebooks. 1963. No. 1. P. 42 – 64.
7. Fedina N.V. On the relationship between role and lyrical heroes in the poetry of V.S. Vysotsky. V.S. Vysotsky: research and materials: collection of articles. Voronezh: Voronezh State University named after Leninsky Komsomol, 1990. P. 105 – 117.
8. Multitrans Electronic Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.multitrans.ru/c/m.exe?a=DownloadFile> (accessed: 17.01.2025)
9. Vadim Astrakhan. The ballad of love. [Electronic resource], 2012. URL: <https://wysotsky.com/1033.htm?1308> (date of access: 27.01.2025)
10. Sergei Roy. A Ballad about Love. [Electronic resource], 1990. URL: <https://wysotsky.com/1033.htm?698> (date of access: 07.01.2025)

Информация об авторах

Гудий К.А., кандидат филологических наук, доцент, Тверской государственный университет

Егорова О.А., старший преподаватель, Тверской государственный технический университет

© Гудий К.А., Егорова О.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 3 / 2025, Vol. 4, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 008(100)(075.8)

Лингвокультурологический аспект в методике обучения РКИ: специфика русского быта как отражение культурных кодов (на примере рассказа А.П. Чехова «У предводительши»)

¹ Ступина Е.С., ¹ Шibaева Н.Б.,

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

Аннотация: настоящая статья написана в русле тех научных парадигм, которые интерпретируют лингвокультурологический потенциал слова. Исследуемые слова и выражения реализованы в аутентичном тексте, благодаря чему обнаруживается возможность изучения традиций, интересов и нравов того народа, на языке которого написано произведение. Литературоведческий аспект содержания не учитывается. Подобный подход релевантен для углубленного изучения языка, понимания его как знаковой части всего культурного пространства нации. Основной целью работы является формирование стратегии, позволяющей вводить авторский текст в практику преподавания русского языка как иностранного. Материалом для исследования послужил рассказ А.П. Чехова «У предводительши», повествующий о том, как вдова устраивает безалкогольную панихиду по мужу, злоупотреблявшего спиртными напитками. К базовым задачам следует отнести следующие позиции: выборка слов, словосочетаний, наделенных национально-культурной семантикой; комментирование культурно маркированных единиц для определения существенных форм народной идентичности, обозначающих особенности речевого этикета, невербальной коммуникации, поведенческих алгоритмов; расширение смысловых границ отдельного произведения. Успешное освоение обозначенной лексики позволит не только продуктивно работать в дальнейшем с художественными текстами, но и сформировать представление о русской языковой картине мира, что обеспечит мягкое ассимилирование иностранца в культурном пространстве для эффективной коммуникации.

Ключевые слова: лингвокультурный, культурный код, речевое поведение, речевой этикет, дескрипторы культуры, образы культуры

Для цитирования: Ступина Е.С., Шibaева Н.Б. Лингвокультурологический аспект в методике обучения РКИ: специфика русского быта как отражение культурных кодов (на примере рассказа А.П. Чехова «У предводительши») // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 3. С. 42 – 48.

Поступила в редакцию: 11 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 13 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 19 мая 2025 г.

Linguocultural aspect in the methodology of teaching Russian as a foreign language: specifics of Russian everyday life as a reflection of cultural codes (on the example of A.P. Chekhov's story 'At the Leader's House')

¹ Stupina E.S., ¹ Shibaeva N.B.,

¹ Linguistics University of Nizhny Novgorod

Abstract: the present article is written in the context of those scientific paradigms that interpret the linguocultural potential of a word. The studied words and expressions are realised in the authentic text, thanks to which the possibility of studying the traditions, interests and manners of the people in whose language the work is written is discovered. The literary aspect of the content is not taken into account. Such an approach is relevant for an in-depth study of language, understanding it as an iconic part of the entire cultural space of a nation. The main goal of the work is to form a strategy that allows introducing the author's

text into the practice of teaching Russian as a foreign language. The material for the study is A.P. Chekhov's story 'At the Leader's House', which tells how a widow organises a non-alcoholic funeral service for her husband who abused alcohol. The following positions should be attributed to the basic tasks: selection of words, word combinations endowed with national-cultural semantics; commenting on culturally marked units to identify essential forms of folk identity, denoting the features of speech etiquette, non-verbal communication, behavioural algorithms; expanding the semantic boundaries of an individual work. Successful mastering of the specified vocabulary will allow not only to work productively in the future with artistic texts, but also to form an idea of the Russian linguistic picture of the world, which will provide a soft assimilation of a foreigner in the cultural space for effective communication.

Keywords: linguocultural, cultural code, speech behaviour, speech etiquette, cultural descriptors, cultural images

For citation: Stupina E.S., Shibaeva N.B. Linguocultural aspect in the methodology of teaching Russian as a foreign language: specifics of Russian everyday life as a reflection of cultural codes (on the example of A.P. Chekhov's story 'At the Leader's house'). Philological Bulletin. 2025. 4 (3). P. 42 – 48.

The article was submitted: February 11, 2025; Approved after reviewing: April 13, 2025; Accepted for publication: May 19, 2025.

Введение

Известно, что человек как носитель национальной ментальности активно проявляет себя через отношения с другими людьми. Анализ этих отношений позволяет увидеть преобладающие нравственные ценности, являющиеся духовными ориентирами общества в целом и его представителей в частности. Справедливо считать культуру доминирующим объектом в изучении языка, поскольку язык выступает как проекция культуры, поэтому «служит основой самоидентификации нации, её сплоченности в противостоянии тенденциям, грозящим самобытности народа, его уникальности» [2, с. 42]. Ментальные черты формируются при определенных культурно-исторических условиях. Исследователи отмечают, что релевантно учитывать два фактора, «имевших прямое влияние на формирование русской национальной психологии: общинный уклад хозяйства и принятие христианства в его православной форме» [10, с. 159]. Коллективное владение различными благами предполагает не только идею перераспределения всех имеющихся в общине ресурсов, но понимание ответственности общины перед правителем за проступки ее членов. В языке подобная практика проявляется в активизации различных паремий, выражающих значимость жизни в большой группе: «С миру по нитке — голому рубашка», «Без народа — одна невзгода», «Один в поле не воин». Идея православия, принятая от Византии, отличалась особым мистицизмом, не предполагающим погружение в реальность [13]. Яркое выражение осуждения гордыни, следование по пути смирения, лишений, внутренней постоянной борьбы с собой — это черты, приобретенные русским человеком. Народная мудрость вербализует подобные традиционные взгляды: «Мнениями высок, да делами низок», «Не поклоняясь до земли, и гриба не

подымешь», «Гордым бог противится, а смиренным даёт благодать», «Живи смиреннее, так всем будешь милее» [4].

Незнание основ культуры народа, язык которого изучается, приводит к нарушениям коммуникации. Язык — часть общего культурного кода, тех усвоенных с детства правил, которые были систематизированы в сознании народа, поэтому «закодированная информация в коде через определенные сигналы в процессе идентификации человека, общности, этноса проявляется в их жизни и творчестве, в стереотипах и стандартах поведения, в законах мышления, в чертах характера, в стилях общения» [6, с. 31]. В современной России понятие культурного кода сакрализировано и включено в Концепцию гуманитарной политики за рубежом, подчеркивающей, что «российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всего многонационального народа Российской Федерации». Это то, что составляет общий аксиологический фонд нации и «организует всю информацию, которую вбирает человеческая культура» [12, с. 64]. Постигание культурных кодов иностранцем обеспечивает мягкую ассимиляцию в русском мире и принятие условий сосуществования в общем лингвокультурном пространстве.

В условиях, когда речевая практика — залог успешного усвоения языковой системы, важно минимизировать риск недопонимания между собеседниками. Коммуникативные неудачи обратно пропорциональны продуктивности изучения языка.

Материалы и методы исследований

Доступным источником лингвокультурных знаний выступает русская классическая литерату-

ра. Работа с текстами произведений требует семантизации различных лексем, но важным является объяснение контекста, в который вписывается слово, что требует осмысленной деятельности с более широким, по сравнению с описываемой частной ситуацией, кругом тем.

В качестве примера рассмотрим отдельные аспекты работы с произведением А.П. Чехова «У предводительши». В рассказ включены многие пласты русской жизни и русского быта, русской культуры и русского характера, которые могут вызвать интерес у иностранцев. Методом сплошной выборки выделим несколько групп слов, необходимых не только для понимания содержания произведения, но и для изучения русской картины мира. Сочетание лексико-семантического исследования лексемы и лингвокультурологического анализа общего контекста позволили обозначить типовую форму работы с аутентичным текстом на уроках русского языка как иностранного.

Результаты и обсуждения

Одна из черт, свойственных русским и показанных А.П. Чеховым в рассказе, – это «радушие в приеме и угощении посетителей» [4], в связи с чем в **первую** группу включаем слова, характеризующие сферу человеческих отношений.

Если хозяин собирает для гостей богатый стол, то говорят, что он хлебосольный. Хлебосольство – основа повседневной жизни русских. А.Д. Шмелев, анализируя русскую языковую модель мира, отмечает, что именно «хлебосольство воспринимается как специфически русская черта» [15, с. 99]. В рассказе «У предводительши» находим тому подтверждение: завтрак «роскошен» [14, с. 12], «необыкновенен» [14, с. 13], то есть отличается «богатством» [9]. Не случайно один из гостей сравнивает его с «жествами, приносимыми богам» [14, с. 13], подчеркивая разнообразие блюд и их количество. Сама же Любовь Петровна, хозяйка дома, позднее признается в письме подруге, что угостила всех «на славу» [14, с. 14].

Приглашая гостей к столу, вдова предводителя говорит: «*Прошу, господа, закусить*» [14, с. 12]. Употребление слова *закусить* в рассказе А.П. Чехова требует комментария: в культуре высших слоев общества, по мнению А.Д. Шмелева, закуска обычно представляла собой «кушанья (2-3 холодных блюда и водку), подаваемые за два-три часа до обеда» [15, с. 166-167]. В современном русском языке *закусить* употребляется в значении «поесть немного (обычно холодное и не в урочное время)» [9]. Возможно, этим словоупотреблением А.П. Чехов демонстрирует такую черту характера своей героини, как скромность.

Безусловно, речевое поведение человека подчиняется принятым в обществе нормам и правилам, поэтому оно национально-специфично. В рассказе Любовь Петровна отказывается от принятого на Руси обычая поминать покойного водкой, следуя данной себе клятве «*водворить в уезде трезвость и этим самым искупить грехи*» мужа [14, с. 14]. Она убеждена в том, что злоупотребление «горячим напитком» недопустимо, так как может закончиться физической гибелью человека. В этом проявление ее заботы об окружающих, контроль за соблюдением установленного ею порядка всеми членами данного сообщества.

З.К. Сабитова, ссылаясь на утверждение А. Вежибицкой, пишет о том, что «в запрете содержится компонент волеизъявления некоторого лица, имеющего статусное превосходство над другими лицами» [11, с. 354]. Казалось бы, все представители лингвокультурного сообщества должны четко следовать принятым правилам поведения, однако всегда бывают исключения. Русский человек в сознании носителей русского языка характеризуется такими дескрипторами, как «необязательный», «любит выпить» [11, с. 296], склонный к «несоблюдению законов и правил» [3, с. 20].

Любовь к крепким напиткам заставляет собравшихся на поминках идти на хитрость, придумывая способ, как незаметно выпить. Однако это не означает, что пьянство – отличительная черта русского народа. По словам А.Д. Шмелева, «неповторимость русскому застолью» придает то, что «выпивание сопровождается закуской и душевным общением» [15, с. 165], способствующим открытому выражению чувств и эмоций. Так, один из гостей Любви Петровны даже «заплакал» от избытка чувств, другой «слезливо лепетал долго что-то, как дитя», третий «стал на колени, хотел прочесть стихи» [14, с. 14]. Все примеры убедительно доказывают, что эмоциональность – черта, присущая русскому народу. Наличие в русском языке слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*старикашечка, батюшка*) подчеркивает особенное отношение говорящего к тому, кому эти слова адресованы.

В центре нашего внимания оказываются в связи с этим обращения, выполняющие знаковую функцию в культуре и образующие в нашем исследовании **вторую** группу языковых единиц, представляющих собой национально-специфические этикетные формулы. В рассказе А.П. Чехова хозяйка дома, приглашая гостей к столу, говорит: «*Кушайте, господа!*» [14, с. 13]. В Толковом словаре русского языка лексема *господин* имеет следующее значение: «человек из привилегированного круга; человек, обладающий властью над теми,

кто от него зависит, повелитель; форма вежливого обращения или упоминания при фамилии или звании» [9]. Таким образом, для России XIX века подобное обращение к занимающим высокое положение в обществе являлось этикетной нормой, пренебрежение которой рассматривалось как личное оскорбление и могло привести к неприятным последствиям. Речевой этикет требовал подчеркнуто уважительного отношения к старшим по возрасту, чину, общественному положению.

В формулах речевого этикета закреплены социальные отношения определенной лингвокультуры и эпохи. Так, социокультурного комментария требует лексема *батюшка*, используемая как обращение к отцу Евмению: «*Батюшка! Два слова ...по секрету! – догоняет его Дворянин*» [14, с. 13]. В русской культуре подобное обращение могло относиться к отцу – классическая литература дает много подобных примеров. В рассказе же А.П. Чехова рассматриваемая лексема используется при обращении к «православному священнику» [6, с. 38].

Интерес вызывает и включенное в повествование французское заимствование «*ma chère*» [14, с. 14], то есть «моя дорогая». Известно, что французский язык в русской культуре XVIII-XIX веков был не только средством общения, но и знаком принадлежности к дворянскому сословию.

Продолжая анализ лексем с национально-культурным компонентом, выделяем **третью** группу слов, представленных именами собственными.

Чеховский рассказ отражает нормы поведения представителей русской культуры XIX века. Официальная форма обращения по имени и отчеству (*Любовь Петровна*) является специфически русской уважительной формой именования, в то время как краткое мужское имя *Микешка* обладает сниженной стилистической окраской, которая возникает у слова в связи с появлением суффикса –к. Имя, образованное подобным образом, приобретало фамильярно-пренебрежительный оттенок и являлось уничижительным. Так обычно обращались к тем, кто прислуживал в доме богатых господ.

Для каждого этноса характерны свои представления о значимости тех или иных поведенческих алгоритмов, которые часто выступают в качестве показателя статусно-ролевых отношений. **Четвертую** группу представляют жесты как примеры невербальной коммуникации. Сами по себе они не обладают смысловым значением, а обретают его лишь в контексте определенной культуры. В творчестве А.П. Чехова наибольшая семантическая нагрузка приходится на те жесты, в которых за-

действованы руки. К примеру, один из гостей, удивленный богатством поминального стола, «*считает своею обязанностью развести руками, покачать в изумлении головой и сказать: – Сверхъестественно!*» [14, с. 12-13].

Лингвострановедческий словарь А.А. Акишиной дает информацию о том, что жест «разводить/развести руками (руки в стороны)» означает «удивление, недоумение» и «может сопровождаться словами «Неужели?», «Не может быть», «Что вы говорите!» [1, с. 98]. Эмоцию удивления А.П. Чехов передает через лексему *сверхъестественно*, в которой приставка *сверх-* «указывает на превышение какой-н. меры, нормы; выше чего-н.» [9]. *Сверхъестественный* выступает синонимом к прилагательному *невероятный* [9], имеющему значение «неправдоподобный, такой, которому невозможно поверить» [9]. Оценка ситуации, вызывающей сильные эмоции, может быть передана при помощи специфических оборотов русской разговорной речи: «*Что вы говорите?! Поразительно! Не может быть! Ну да?! Вот это да! Надо же!*» [8, с. 155]. Напрашивается вывод о том, что ответная реакция на необычность, удивительность факта с привлечением лексемы *сверхъестественно* в современном русском литературном языке уже не встречается.

Еще один пример невербальной коммуникации с участием рук несет в себе выражение чувств по отношению к другому: «*Председатель земской управы Марфуткин после завтрака припал к моей руке, долго держал ее у своих губ и, смешно замотав головой, заплакал...*» [14, с. 14]. А.А. Акишина отмечает, что жест «приложиться к руке» – «знак почтения, уважения младшего к старшему по возрасту и положению, благодарность» [1, с. 39]. При этом дается указание на то, что жест является устаревающим.

Таким образом, жесты имеют национальную окраску и также нуждаются в «переводе». Сфера и частота употребления жестов диктуются традициями и национальным характером народа.

Поведение личности всегда национально-культурно детерминировано. Свои национальные признаки человек получает не только по наследственности, но и через овладение в процессе жизнедеятельности принятыми в данном национальном сообществе стереотипами поведения, языком, образом жизни, культурно-нравственными ориентирами. По мнению В.Б. Катаева, «осознание человеком жизни, его ориентация в окружающем мире – самостоятельный и главный объект изображения» в творчестве А.П. Чехова [7, с. 24]. Русскому национальному характеру приписывается такое качество, как религиозность. Религия «са-

крализует и передает поколениям основополагающие нравственные ценности и этические идеалы» [8, с. 149]. Быть православным христианином – значит свято чтить традиции, принимать нравственные ценности (добро, совесть, справедливость), религиозные (вера, смирение, возмездие, спасение), социальные (брак, семья, дети). В рассказе А.П. Чехова актуализируются такие христианские ценности, как, например, долг, спасение, уважение, вера – **пятая** группа слов, имеющих национально-культурный компонент в семантике значения.

Любовь Петровна свято чтит память мужа, каждый год организуя поминальные обеды в его честь. Она искренне верит в то, что поступает правильно, отказываясь от угощения гостей крепкими напитками, тем самым стараясь спасти их души. Приехавших на панихиду объединяет не только желание выказать свое почтение. Людей объединяет вера, которая, по утверждению В.А. Масловой, М.В. Пименовой, «является тем фундаментом, на котором зиждется национальная культура» [8, с. 149]. Вера в Бога, возможность духовного общения с ним, уверенность в его могуществе и защите от злых сил – все это заставляет людей испытывать благоговение. Вот почему при совершении молебна «кругом тишина, изредка прерываемая вздохами. Лица у всех натянутые, торжественные...» [14, с. 12].

А.П. Чехов, описывая панихиду, использует значительное количество слов, связанных с темой религии и называющие:

А) чины: *дьякон* – «В православной церкви: низший духовный сан, помощник священника при совершении церковной службы» [9]; *дьячок* – «В православной церкви: низший служитель, псаломщик» [9];

Б) предметы, используемые при совершении богослужения: *кадило* – «металлический сосуд на цепочке для курения ладаном при богослужении» [9]; *требник* – «книга с текстами церковных служб, молитвами для треб» [9];

В) предметы одежды церковнослужителей: *камилавка* – «высокий цилиндрический с расширением кверху головной убор – почетная награда православного священника» [9]; *ризы* – «одежды священника при богослужении» [9];

Г) молитву «Со святыми упокой», посвященную умершим, где упокоить – значит «окружить покоем, заботой, попечением» [9]. Церковь верит, что Господь может облегчить состояние души усопшего, даровать ей мир, спокойствие и радость.

Прямое отношение к церкви имеют и особые даты, почитаемые русскими как Дни святых. В

рассказе А.П. Чехова событие происходит в «день святого мученика Трифона» [14, с. 11], когда проходит панихида по Трифону Львовичу Завзяткову. Следует отметить, что в соответствии с православным церковным календарем христиан при крещении получал имя святого покровителя, в день памяти которого он родился. Обычно такое имя употреблялось в узком кругу близких людей.

В чеховском рассказе все обретает смысл, даже время: «*Ровно в 12 часов дня гости, вытянув физиономии, пробираются из всех комнат в залу*» [14, с. 11]. В соответствии с христианскими обычаями именно в полдень было принято выносить умершего из дома. Вот почему обряд памяти об умершем проводят в указанный период времени и повторяют ежегодно.

Среди образов культуры, являющихся релевантными для представителей русского социума, можно встретить те, которые включают в себя признаки животных, птиц, насекомых. Такие единицы языка принято относить к древнейшим знакам культуры. В нашем исследовании они входят в **шестую** группу.

Так, например, А.П. Чехов, давая внешний портрет одного из персонажей, использует фразеологизм «*красный как рак*» [14, с. 11]. Устойчивое сравнение человека, выполняющего тяжелую работу, с обитателем пресных водоемов основано на сходстве по цвету. Образы, положенные в основу содержания фразеологизмов, играющих особую роль в трансляции культурно-национального самосознания этноса, в разных культурах могут быть различны, что подтверждается следующими примерами: *красный как помидор* – фразеологизм-эквивалент в испанской и французской культуре, *красный как омар* – в английской. Следовательно, при знакомстве с фразеологическим составом русского языка важно иметь это в виду.

Интерес и в то же время трудности могут вызывать стереотипные качества характера, приписываемые в русской культуре некоторым животным. Любовь Петровна пишет своей подруге: «*<...> если бы ты знала, как любят меня мои медведи!*» [14, с. 14]. В русской языковой картине мира медведь – символ неуклюжести, неповоротливости. В представлении вдовы окружающие ее мужчины именно такие.

Выводы

Преподаватель русского языка как иностранного при работе над художественным текстом должен ориентировать студентов-инофонов на правильное понимание текстов русского писателя-классика А.П. Чехова через постижение специфики русских реалий, что достигается через комментарии, наглядность, языковую догадку, привлече-

ние синонимов или антонимов. Достижение необходимого уровня понимания художественного текста «в соответствии с заданными параметрами социальных и поведенческих характеристик общения» – та цель, которая должна быть достигнута на продвинутом уровне владения русским языком [5, с. 10].

При таком дидактическом подходе лингвокультурологическая направленность обеспечит проявление интереса к русскому миру, а следовательно, научит стратегии дешифрации культурных кодов, отраженных в языке.

Список источников

1. Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1991. 146 с.
2. Бабосов Е.М. Культурный код нации: обогащение опыта прошлого и конструирование будущего // Экономика. Социология. Право. 2025. № 1 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-natsii-obogaschenie-opyta-proshlogo-i-konstruirovaniye-budushego> (дата обращения: 01.02.2025)
3. Баско Н.В. Знакомимся с русскими традициями и жизнью россиян. М.: Рус. яз. Курсы, 2007. 232 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. СПб.: ООО «Диамант», ООО «Золотой век», 1999. 784 с.
5. Иванова Т.А., Попова Т.И., Рогова К.А., Юрков Е.Е. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение. М.-СПб.: «Златоуст», 1999. 40 с.
6. Каргаполов Е.П. Культурный и цивилизационный коды: актуальные вопросы теории // Вестник ЧелГУ. 2022. № 2 (460). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-i-tsivilizatsionnyy-kody-aktualnye-voprosy-teorii> (дата обращения: 01.02.2025)
7. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. Москва : Изд-во МГУ, 1979. 327 с.
8. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2016. 180 с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
10. Родина И.В. Лингвокультурологический аспект в преподавании РКИ: отражение национального менталитета в русской грамматике (материалы лекций) // Книжное дело: достижения, проблемы, перспективы. Вып. 5. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 156 – 172.
11. Сабитова З.К. Лингвокультурология: учебник. М.: Флинта: Наука, 2015. 528 с.
12. Ступина Е.С. Пространство культурных кодов в рекламном дискурсе (на примере рекламных текстов газеты «Про Город») // Язык – Семиотика – Культура: сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. конф., Минск, 20–21 нояб. 2023 г.: в 2 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т; редкол.: А.М. Дудина (отв. ред.), Л.Г. Бондарчук (зам. отв. ред.) [и др.]. Минск: МГЛУ, 2024. Ч. 2. С. 64 – 70.
13. Хачатурян В.М. История мировых цивилизаций с древнейших времен до конца XX века. 3-е изд., испр. и доп. М.: Дрофа, 1999. 512 с.
14. Чехов А.П. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. М.: Библиотека «Огонек», издательство «Правда», 1970. С. 11 – 14.
15. Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира. М., 2002. 224 с.

References

1. Akishina A.A., Kano H., Akishina T.E. Gestures and facial expressions in Russian speech: Lingvocultural dictionary. Moscow: Russian language, 1991. 146 p.
2. Babosov E.M. Cultural code of the nation: enrichment of the experience of the past and construction of the future. Economy. Sociology. Law. 2025. No. 1 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-natsii-obogaschenie-opyta-proshlogo-i-konstruirovaniye-budushego> (date of access: 01.02.2025)
3. Basko N.V. Getting acquainted with Russian traditions and the life of Russians. Moscow: Russian language. Courses, 2007. 232 p.
4. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes. SPb.: ООО "Diamant", ООО "Golden Age", 1999. 784 p.
5. Ivanova T.A., Popova T.I., Rogova K.A., Yurkov E.E. State Educational Standard for Russian as a Foreign Language. Second Level. General Proficiency. Moscow-SPb.: "Zlatoust", 1999. 40 p.
6. Kargaplov E.P. Cultural and Civilizational Codes: Current Theoretical Issues. Bulletin of ChelSU. 2022. No. 2 (460). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-i-tsivilizatsionnyy-kody-aktualnye-voprosy-teorii> (date accessed: 01.02.2025)

7. Kataev VB Chekhov's Prose: Problems of Interpretation. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1979. 327 p.
8. Maslova VA, Pimenova MV Codes of Linguoculture: Textbook. manual. Moscow: Flinta: Nauka, 2016. 180 p.
9. Ozhegov SI, Shvedova NY Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions. Moscow: Azbukovnik, 1999. 944 p.
10. Rodina I.V. Lingvocultural aspect in teaching Russian as a foreign language: reflection of national mentality in Russian grammar (lecture materials). Book business: achievements, problems, prospects. Issue 5. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural. University, 2015. P. 156 – 172.
11. Sabitova Z.K. Lingvocultural studies: textbook. Moscow: Flinta: Nauka, 2015. 528 p.
12. Stupina E.S. Space of cultural codes in advertising discourse (on the example of advertising texts of the newspaper "Pro Gorod"). Language – Semiotics – Culture: collection of scientific articles based on the results of the international. scientific conf., Minsk, November 20-21, 2023: in 2 parts. Minsk State Linguistic University; editorial board: A.M. Dudina (ed.), L.G. Bondarchuk (deputy ed.) [and others]. Minsk: Moscow State Linguistic University, 2024. Part 2. P. 64 – 70.
13. Khachatryan V.M. History of World Civilizations from Ancient Times to the End of the 20th Century. 3rd ed., corrected and enlarged. Moscow: Drofa, 1999. 512 p.
14. Chekhov A.P. Collected Works in Eight Volumes. Vol. 2. Moscow: Ogonyok Library, Pravda Publishing House, 1970. P. 11 – 14.
15. Shmelev A.D. Russian Language Model of the World. Moscow, 2002. 224 p.

Информация об авторах

Ступина Е.С., кандидат филологических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

Шibaева Н.Б., кандидат филологических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

© Ступина Е.С., Шibaева Н.Б., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 3 / 2025, Vol. 4, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'33

Функционально-стилистические аспекты биномиальных единиц в кинодискурсе

¹ Бутенко Е.В.,

¹ Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

Аннотация: настоящим исследованием в кинодиалоге рассматриваются дискурсивные применения устойчивых биномиальных сочетаний – двучленов, дается их функционально-параметрическое описание. Эти языковые единицы входят в категорию вторичной номинации, то есть отличаются усложненностью, переосмысленностью значения, коннотативной специфичностью. Задаваемые определенными структурно-семантическими параметрами, биномы закреплены языковым узусом как единицы, соответствующие понятию фразеологичности. Этим свойством объясняется их рекуррентное появление в речи. Сохраняя в том или ином объеме смысловую основу, они способны контекстуально модифицироваться, выполняя конкретное функциональное предназначение. Ситуативная альтерация узусальной формы может затруднить идентификацию биномиальных сочетаний, видение их семантико-стилистической объемности, а следовательно, и перевод. Данный фактор обуславливает актуальность исследования и его практическую значимость.

Ключевые слова: бином, модальность «кажмости», эпистемическая модальность, лингвостилистические средства

Для цитирования: Бутенко Е.В. Функционально-стилистические аспекты биномиальных единиц в кинодискурсе // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 3. С. 49 – 53.

Поступила в редакцию: 12 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 19 мая 2025 г.

Functional and stylistic aspects of binomial units in film discourse

¹ Butenko E.V.,

¹ St. Petersburg State Institute of Film and Television

Abstract: the study examines discursive applications of fixed binomial combinations in film dialogue and offers their parametric and functional description. These linguistic units belong to the category of the secondary nomination due to their features: complexity, reinterpretation of meaning, and connotative specificity. Predetermined by certain structural and semantic parameters, binomials are categorized as phraseological units. This property explains their recurrent appearance in speech. Preserving their regular idiomatic structure, these set expressions can become contextually modified, fulfilling a specific functional purpose. A situational alteration of the regular form can make it intricate to identify binomials and discern their semantic and stylistic complexity, which may cause difficulties in translation. This factor determines the relevance of the study and its practical significance.

Keywords: binomial, modality of "appearance", epistemic modality, linguo-stylistic means

For citation: Butenko E.V. Functional and stylistic aspects of binomial units in film discourse. Philological Bulletin. 2025. 4 (3). P. 49 – 53.

The article was submitted: February 12, 2025; Approved after reviewing: April 14, 2025; Accepted for publication: May 19, 2025.

Введение

В определении М.В. Артамоновой биномы – это парные сочетания, «соединения семантически и структурно связанных и уравновешенных компонентов» [2, с. 62]. В.А. Петровой подчеркивается биномиальная «устойчивость и воспроизводимость в речи в готовом виде, семантическая ёмкость и законченность формы, характерная фонетическая оформленность» [7, с. 3]. Бинарные сочетания, построенные по принципу целостности и обладающие холистическим свойством, рассматриваются А.С. Буб «как единицы ментального лексикона человека» [3, с. 5]. Под ментальным лексиконом исследователь понимает своего рода хранилище, динамическую самоорганизующуюся систему, из которой в процессе речевого общения и когнитивной обработки извлекаются готовые языковые элементы различного уровня сложности. Рекуррентная бинарная сочетаемость единиц с фиксированным порядком компонентов выстраивает схему, которая может проявлять свое дискурсивное своеобразие в кинотексте, выполняя определенное функциональное назначение.

Материалы и методы исследований

Материалом проведенного теоретико-эмпирического исследования стали высказывания персонажей комедийного сериала *Good Luck, Charlie: Special Delivery* (Держись, Чарли), 3 сезон 7 серия, 2012, приключенческой комедии *Men in Black 3* (Люди в черном), 2012, мелодрамы *Lucky you* (Беззунчик), 2007, драмы, триллера *The Spies/ Les Espions* (Шпионы), 1957. В соответствии с целью изучения – определение функционального и семантико-стилистического значения биномов в кинодискурсе – методами исследования стали описательный, структурный, семантико-когнитивный.

Результаты и обсуждения

Биномы как форманты пословичных утверждений

Коммуникативные аспекты биномиальных образований рассматриваются в контексте выполняемых ими прагматических задач в акте речевого общения. Так, например, обладающие значительным фразеологическим потенциалом, бинарные сочетания зачастую становятся основой пословичных единиц, содержание которых передает общеизвестные неоспоримые истины. В частности, биномы контрарного типа, составляющие структурно-семантический стержень пословиц, наделяют их особой выразительностью, способствуя таким образом формированию веских утверждений. По общему значению и особому паремийному стилистическому оттенку И.Е. Аничков квалифицирует пословицы как «сознательную ссылку на коллек-

тивный опыт предшествующих поколений» [1, с. 105], составляющую цитатный прием.

Примером данного употребления служит диалог из фильма *Good Luck, Charlie: Special Delivery* (3 сезон 7 серия, 2012):

– *Steal the doll? But that's wrong.* (Украсть куклу? Но это плохо.)

– *Well, exactly. You know the old saying, "two wrongs make a right".* (Ну да, как говорится, минус на минус дает плюс /вор у вора шапку украл.)

– *No, it's "two wrongs don't make a right". Oh, well, then, you know the other old saying.* (Нет, зло за зло – добра не будет / не воруй у вора то, что он украл. Вот теперь ты знаешь другую пословицу.)

Семантико-стилистическое поле речевого сегмента включает пословицы, то есть языковые единицы вторичной номинации, а также лексему *wrong* в прямом значении (*But that's wrong*), взаимодействие которых становится проявлением лингво-креативного потенциала диалога. Обобщенное пословичное значение анализируемого примера в переводящем языке может приобрести более конкретную вербализацию в соответствии с ситуацией общения: «Вор у вора шапку украл» и «Не воруй у вора то, что он украл».

Содержащий антитетичные компоненты бином *wrong – right* структурирует пословичные выражения, привлекаемые для описания ситуации контрадикторности, основанной на «пропозитивности / событийном содержании внутри предложения или текста» [4, с. 4190]. Причем в данном случае бином становится базальным для обеих оппозиционных паремий, представляющих собой «аксиологическую антиномию» [9, с. 122]. Оценочное отношение к ситуации у говорящих абсолютно разное, что отчетливо проявляется в условиях синтаксического параллелизма на морфологическом уровне (утвердительная vs отрицательная форма глагола): *two wrongs make a right* и *two wrongs don't make a right*. Конструкционное сходство, по наблюдениям З.А. Юсуповой, высвечивает контрастную противоположность и «обеспечивает структурно-семантическую выделенность, весомость каждого слова» [11, с. 59].

Суждение может отличаться особой твердостью и категоричностью, создаваемой, например, фразеологическим бином *win or lose* (либо пан, либо пропал), что наблюдается в фильме *Men in Black* (Люди в черном 3), 2012:

–... *so, I'm not gonna have a chance to say a proper goodbye.* (... значит, у меня не будет возможности нормально попрощаться с тобой.)

– *If things go wrong, not gonna have a chance to, either.* (Если все пойдет не так, и у меня не будет

этой возможности.)

– *So, I guess win or lose, this is it.* (Ну, как видно, либо пан, либо пропал. Только так.)

– *I see why I recruited you. You are a good man* (Теперь понимаю, почему нанял тебя. Ты хороший человек.)

Резкость и категоричность высказывания порождается стилистическим приемом – дизъюнкцией, подразумевающей предельную поляризацию и взаимное исключение противоположно направленных действий. Кроме того, постпозиционное звено *this is it* делает дизъюнктивную фразу абсолютно безапелляционной.

*Биномиальные сочетания как средства
выражения нечёткого суждения*

Реплики персонажей в рассмотренных диалогических единствах отличаются логической ясностью, убедительностью и вербальной отточенностью. Однако порой мысль может быть расплывчатой, суждение нечетким и неоднозначным, допускающим различного рода истолкования. Т.П. Карпухина рассматривает специфику нечёткого суждения в аспекте «кажимостной» модальности [5, с. 2805], представляющей содержание высказывания как основанное не на знании, а на полагании и допущении. Феномен кажимости понимается как соотношение объективной реальности и ее субъективно-предполагаемого видения говорящим. Основным свойством функционально-семантической категории кажимости, по определению А.В. Логинова, является «двуплановость, своего рода “двойное бытие”, совмещение реального и кажущегося» [6, с. 26]

Исследование кинотекста показывает, что языковыми средствами выражения кажимости могут опять-таки стать биномиальные сочетания. Особо примечательным становится факт двойственной природы бинома, когда той же самой коллокацией в соответствующем контексте – *Lucky you* (Везунчик), 2007 – твердость суждения может смениться на противоположное – всего лишь представляемое, допускаемое.

– *So, how did the tournament go?* (Как там чемпионат?)

– *Win some, lose some.* (Что-то выигрываешь, что-то проигрываешь.)

– *Easy come, easy go?* (Как приходит, так и уходит?)

– *Yeah, same old story. And the money is just a way of keeping score.* (Да, все та же история. А деньги – это просто способ вести счет.)

Отзывная реплика *Win some, lose some* неоднозначна и видится, скорее, как дистанцирование, уход от ответа, о чем в том числе может свидетельствовать ее обобщенный характер, подтвер-

ждаемый на морфологическом уровне употреблением времени Present Simple. То есть речь идет не о конкретном прошедшем событии, о котором персонаж, очевидно, не хотел бы говорить.

Анализируемый пример рассматривается как частный случай дискурсивной реализации валентностного потенциала глаголов – биномов. Сочетаемость глаголов – центральных элементов предложения – предопределяется их семантикой и детерминирует морфосемантические параметры актантной структуры. Д.М. Ханнанова использует термин «конструктивная валентность», исходящий из «когнитивно-прагматической интерпретации как семантических, так и грамматических свойств ее структурных составляющих» [10, с. 1262]. У глаголов *win* и *lose* может быть два актанта – субъект и объект. Эксплицитно не проявленный, но подразумеваемый субъект (неопределенно-личное местоимение *you*) становится эллиптическим элементом в условиях речевой компрессии. В качестве объекта оба глагола присоединяют неопределенное местоимение *some*. Повторяемым аддитивным элементом закладывается семантика неопределенности и нечеткости, нейтрализующая резкую антитетичность буквальных значений *win* – *lose*. Тавтологический повтор местоимения *some* сигнализирует об относительном ситуативно-семантическом сближении противительных значений, что обусловлено типичностью и взаимосвязанностью процессов действительности.

Поддерживая стилевую тональность диалога, собеседница вторит сходной по структуре и смыслу фразой: *Easy come, easy go?* Это стереотипное выражение – формула спонтанной речи, в которой повторяемый элемент *easy* является связочным звеном контрарных по направленности лексем *come* и *go* и в то же время средством снижения уровня их противопоставленности. Реагирующая реплика продиктована пониманием и принятием уклончивого ответа в неловкой ситуации.

Присутствие кажимостной семантики, имплицуруемой контекстом и эксплицуруемой биномиальными сочетаниями, обнаруживается в речевом отрывке из фильма *Les espions* (Шпионы), 1957:

You give a small piece of information in order to get a big one. And bigger ones you exchange for what you can. You don't put all your eggs in one basket. With all this giving and taking... here and there... (Вы даете малый отрывок информации, чтобы получить больший. И затем это большее обмениваете на то, что сможете. Со всем этим туда-сюда ... здесь и там...).

Зачин высказывания представляет собой наглядно выстраиваемую количественно-градуальную схему, начиная с единичного знака

малого объема к большему, и далее это большее увеличивается в количестве. За логически продуманной и четко сформулированной пропозицией, подчеркивающей, казалось бы, типичность, заурядность ситуации, следует кажимостная незавершенность, подразумевающая возникающие сомнения говорящего в развитии событий.

Квалифицируемые А.М. Плотниковой как «закнутые соединения словоформ» [8, с. 183] биномы, например квази-антонимические соединения *giving and taking... here and there*, выполняют функцию плеонастических (избыточных) элементов в мыслительном процессе, где удвоение обусловлено ассоциативными операциями. Становясь единицами вторичной номинации, двучлены утрачивают свое прямое контрастное значение, их поляризация здесь неактуальна. Воспроизводимые в речи спонтанно, стереотипные биномиальные формулы *with all this giving and taking... here and there* синсемантические, то есть зависимы от своего контекстного окружения и в нем приобретают смысл, привнося в данный случае коннотации неуверенного предположения.

Выводы

В ходе изучения кинотекста выявлены функционально-стилистические различия дискурсивного

применения биномов, что может составлять определенную научную новизну исследования. Так, являющиеся базальными элементами пословиц или фразовых коллокаций, биномиальные антонимические сочетания становятся семанто-конструктивной основой суждений убедительного и категорического характера. В этом случае биномиальные составляющие отличаются четко выраженной противопоставленностью и в речевом употреблении порождают значение неоспоримой истинности, назидательности, эпистемической модальности.

Однако оптимальное понимание высказывания обеспечивается не только семантикой конкретной единицы, но и ситуативным контекстом. Так, при отсутствии у говорящего уверенности, объективного знания формируется кажимостная модальность, при которой языковые единицы наделяются соответствующими коннотативными элементами, затушевывающими семантическую контрастность лексем.

Дискурсивная бинарность представляет собой сложное явление, адекватная интерпретация и перевод которого требует разноуровневого – лингво-когнитивного и коммуникативно-прагматического – рассмотрения.

Список источников

1. Аничков И.Е. Труды по языкознанию. СПб.: Наука, 1997. 511 с.
2. Артамонова М.В. О месте категории парности в концептуальной системе русского человека // Филология и человек. 2009. № 3. С. 62 – 72.
3. Буб А.С. Когнитивная обработка коллокаций-биномиалов русского языка (экспериментальное исследование) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 5 – 13.
4. Ершова Н.Б. Противопоставление и способы его выражения в английских и болгарских паремиях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 12. С. 4189 – 4196.
5. Карпухина Т.П. Категория кажимости как средство выражения логически нечеткого суждения в романе Герберта Уэллса “The Time Machine” («Машина времени») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 8. С. 2805 – 2816.
6. Логинов А.В. Вопросительное предложение как средство выражения кажимости // Вестник Московского государственного областного университета. Русская филология. 2022. № 5. С. 25 – 31.
7. Петрова В.А. Структурно-семантические особенности биномиальных образований в английском языке // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 3 (15). С. 1 – 3.
8. Плотникова А.М. Парные сочетания в современном русском языке и их креативный потенциал // Уральский филологический вестник. 2012 № 2. С. 183 – 187.
9. Селиверстова Е.И. Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 115 – 130.
10. Ханнанова Д.М. Теория валентности в современной отечественной лингвистике // Вестник Удмуртского университета. 2024. Т. 34. № 6. С. 1261 – 1268.
11. Юсупова З.А. Сопоставительный анализ стилистических средств выражения противопоставления в паремии // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2016. Т. 13. № 1. С. 58 – 61.

References

1. Anichkov I.E. Works on Linguistics. SPb.: Nauka, 1997. 511 p.
2. Artamonova M.V. On the Place of the Category of Pairness in the Conceptual System of the Russian Person. *Philology and Man*. 2009. No. 3. P. 62 – 72.
3. Bub A.S. Cognitive Processing of Russian Language Binomial Collocations (Experimental Study). *Bulletin of Tomsk State University*. 2019. No. 442. P. 5 – 13.
4. Ershova N.B. Contrast and Ways of Expressing It in English and Bulgarian Paremiias. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2023. Vol. 16. Issue. 12. P. 4189 – 4196.
5. Karpushina T.P. The category of seeming as a means of expressing a logically fuzzy judgment in H.G. Wells's novel "The Time Machine". *Philological sciences. Theoretical and practical issues*. 2024. Vol. 17. Issue. 8. P. 2805 – 2816.
6. Loginov A.V. Interrogative sentence as a means of expressing seeming. *Bulletin of Moscow State Regional University. Russian Philology*. 2022. No. 5. P. 25 – 31.
7. Petrova V.A. Structural and semantic features of binomial formations in the English language. *Scientific notes of the Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 2018. No. 3 (15). P. 1 – 3.
8. Plotnikova A.M. Paired combinations in the modern Russian language and their creative potential. *Ural Philological Bulletin*. 2012, No. 2. P. 183 – 187.
9. Seliverstova E.I. Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of a nationally marked vision of the world. *New studies of Tuva*. 2022. No. 1. P. 115 – 130.
10. Khannanova D.M. Valence theory in modern domestic linguistics. *Bulletin of Udmurt University*. 2024. Vol. 34. No. 6. P. 1261 – 1268.
11. Yusupova Z.A. Comparative analysis of stylistic means of expressing opposition in paremia. *Bulletin of SUSU. Series "Linguistics"*. 2016. Vol. 13. No. 1. P. 58 – 61.

Информация об авторе

Бутенко Е.В., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, elena.butenko.54@mail.ru

© Бутенко Е.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 3 / 2025, Vol. 4, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 338:004(470+571)

Функционирование HR-слоганов компаний реального сектора экономики в медиакоммуникации

¹ Сосновский Д.А.,

¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: в настоящее время эффективная коммуникация с соискателями в контексте цифровой медиасреды становится стратегическим инструментом развития организаций. В статье представлены результаты исследования HR-слоганов, используемых компаниями реального сектора экономики России для построения бренда работодателя. Актуальность темы обусловлена усиливающейся конкуренцией за квалифицированные кадры на фоне низкого уровня безработицы и кадрового дефицита в ключевых отраслях. Слоганы рассматриваются как инструменты стратегической коммуникации в цифровой медиасреде, способные транслировать ценности и миссию компании. В рамках исследования был собран корпус из 100 слоганов с официальных сайтов и карьерных страниц компаний. Применяя методы концептуального и дискурсивного анализа, автор выделяет ключевые концепты (команда, развитие, будущее, люди, стабильность), выявляет коммуникативные стратегии (сотрудничество, саморепрезентация, лидерство) и стилистические приемы, направленные на повышение запоминаемости и эмоционального воздействия. Показано, как сочетание лаконичности, образности и метафорической связи с отраслью усиливает эффективность HR-коммуникации. Сделан вывод, что HR-слоганы являются не только средством привлечения сотрудников, но и инструментом выражения корпоративной идентичности, отражающим ценности, цели и специфику деятельности компании.

Ключевые слова: HR-текст, HR-дискурс, HR-бренд, слоган, концепт

Для цитирования: Сосновский Д.А. Функционирование HR-слоганов компаний реального сектора экономики в медиакоммуникации // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 3. С. 54 – 58.

Поступила в редакцию: 17 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 19 мая 2025 г.

Functioning of HR slogans of real sector companies in media communication

¹ Sosnovsky D.A.,

¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: currently, effective communication with job seekers in the context of the digital media environment is becoming a strategic tool for the development of organizations. The article presents the results of a study of HR slogans used by companies in the real sector of the Russian economy to build an employer brand. The relevance of the topic is due to the increasing competition for qualified personnel against the background of low unemployment and personnel shortages in key industries. Slogans are considered as tools of strategic communication in the digital media environment that can convey the values and mission of the company. As part of the study, a corpus of 100 slogans from official websites and career pages of companies was collected. Using the methods of conceptual and discourse analysis, the author highlights key concepts (team, development, future, people, stability), reveals communication strategies (cooperation, self-representation, leadership) and stylistic techniques aimed at increasing memorability and emotional impact. It is shown how the combination of brevity, imagery and metaphorical connection with the industry enhances the effectiveness of HR communications. It is concluded that HR slogans are not only a means of attracting employees, but also a tool for expressing corporate identity, reflecting the values, goals and specifics of the company's activities.

Keywords: HR text, HR discourse, HR brand, slogan, concept

For citation: Sosnovsky D.A. Functioning of HR slogans of real sector companies in media communication. Philological Bulletin. 2025. 4 (3). P. 54 – 58.

The article was submitted: February 17, 2025; Approved after reviewing: April 15, 2025; Accepted for publication: May 19, 2025.

Введение

Привлечение квалифицированного персонала остается неотъемлемым аспектом деятельности компаний реального сектора экономики, однако социально-экономические реалии России (рекордно низкий уровень безработицы (2,5%)) [7] и дефицит кадров в ключевых отраслях [10] обостряют конкуренцию за новых сотрудников. Эффективная коммуникация с соискателями в контексте цифровой медиасреды [2], становится стратегическим инструментом развития организаций. В этих условиях актуальным становится вопрос изучения слоганов, которые формируют устойчивые связи аудитории с транслируемыми ценностями работодателей.

Так, по мнению Р.Е. Мансурова, важным компонентом процесса HR-брендинга, т.е. «процесса создания имиджа работодателя», является формулирование HR-слогана, который будет опираться на миссию компании и емко передавать информацию об отношении бренда к своим сотрудникам [5, с. 47-48]. Успешность слогана базируется на его соотносительности с укоренившимися в обществе лингво-культурологическими стереотипами [8], которые в виде единиц фиксации опыта социума описаны В.И. Карасиком в форме концептов – «многомерных смысловых образований, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [4, с. 91]. Н.П. Белоусова пишет, что информативность раскрывается через один-два ключевых концепта, в то время как прагматический и побуждающий характер реализуется через краткость, броскость и запоминаемость [1, с. 10].

Ю.В. Вайрах и др. рассматривают HR-тексты в качестве инструмента трансляции культурного кода компаний, интегрирующего ключевые ценности организаций в HR-дискурс, в котором используются коммуникативные стратегии и тактики: сотрудничества, конкуренции (лидерства), саморепрезентации, создания доверия к субъекту воздействия [3]. На основе вышеприведенных подходов исследователей предлагаем рассматривать HR-слоган как «прагматически-ориентированный субжанр HR-дискурса, который через ценностную, образную и понятийную стороны концептов синтезирует миссию и ценности компании. В исследовании определяются актуализируемые в слоганах концепты; выявляются ком-

муникативные стратегии и дается оценка соответствия критериям эффективности коммуникации.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования стал корпус из 100 HR-слоганов, собранных с официальных сайтов компаний реального сектора экономики, в том числе из таких отраслей, как металлургия, машиностроение, транспорт, агропромышленный комплекс и другие. Слоганы были отобраны из разделов, адресованных соискателям («карьера», «вакансии»), а также с официальных страниц компаний на карьерном сайте hh.ru и из корпоративных медиа. Общий объем корпуса составил 676 слов. В отборе учитывались только оригинальные авторские слоганы, предназначенные для продвижения бренда работодателя, а не описательные формулировки вакансий. Методологическую основу исследования составили концептуальный анализ, элементы когнитивной лингвистики, а также методы прагмалингвистики и дискурсивного анализа. Анализ проводился с учетом теоретических подходов к понятию «концепт» как многослойной смысловой единицы, включающей ценностный, образный и понятийный компоненты. Особое внимание уделялось выделению коммуникативных стратегий и тактик, применяемых в HR-дискурсе, и их соотносению с доминирующими концептами. Также анализировалась частотность использования тех или иных концептов, структура и длина слоганов, наличие риторических и стилистических средств (метафоры, рифма, параллелизм, контраст), направленных на усиление воздействия и повышение запоминаемости сообщения. Полученные данные были систематизированы и интерпретированы с позиций эффективности коммуникации в контексте HR-брендинга.

Результаты и обсуждения

В ходе анализа нами было обнаружено разнообразие концептов: концепт «команда» (28 %), концепт «развитие» (25 %), концепт «будущее» (22 %), концепт «люди» (20 %). При актуализации концепта «команда» компании прибегают к построению диалогичности через призывность: «Станьте частью большой и дружной команды Solopharm»; позиционирование коллектива: «Главная ценность РУСАЛа – его команда!»; «Мы – Команда!». Обращение к концепту при формировании HR-слоганов связано с подразумеваемой позитивной оценкой совместной работы коллекти-

ва [6]. Реализация концепта сводится к шаблонам, что приводит к утрате уникальности, но есть и исключения: так, сталелитейная компания НЛМК в слогане «Наша команда – прочный сплав» органично интегрирует отраслевую специфику через метафору и проводит параллель между продукцией и характеристиками коллектива.

Актуализация концепта «Развитие» (25%) направлена на формирование образа компании, которая заинтересована в профессиональном росте сотрудников. Подчеркивается двусторонняя выгода: «Развитие – это взаимно»; перспективность потенциала работников «Начни развиваться уже сейчас», «Раскрой свой талант ...». Компании создают образ профессионального «пути» сотрудника, в котором сочетаются его личные амбиции и глобальные цели компании.

Прослеживается использование концепта «Будущее» (22%), который акцентирует внимание аудитории на устремленность компаний к прогрессу: «Создавайте ... будущее вместе с нами», «Приглашаем в будущее с нами!». Как и в случае с концептом «Команда», наблюдается сходство конструкций слоганов. Для преодоления шаблонности компаниями в качестве решения демонстрируются связка концепта будущего с отраслевой спецификой: слоган «Металлургия будущего начинается с тебя» сталелитейного холдинга Металлоинвест, в котором прогрессивность связывается с личным вкладом сотрудника; и слоган «Урожай будущего» производителя сельхозтехники Claas, где метафора «урожая» отсылает к агросектору и к долгосрочным результатам от взаимодействия соискателя и бренда.

Концепт «люди» (20%) по своему содержанию близок к «команде», однако через его призму подчеркивается индивидуальная ценность сотрудников для компании. В его актуализации в качестве основного приема наблюдается установление метафорической связи с профильной деятельностью компаний: «Всё начинается с атома, а Росатом начинается с людей», «Наши люди – больше чем золото» в слогане золотодобытчика Norgold, «Местохранение сильных людей» в HR-слогане Уралкалия. Совмещение индивидуального подхода к сотрудникам и понимания отраслевой идентичности позволяет компаниям создать эмоциональный образ работодателя, который признает уникальность сотрудника и ассоциирует их вклад с глобальными целями отрасли.

От компаний реального сектора экономики зависит существование рабочих мест и благосостояние регионов присутствия, и этот факт в HR-дискурсе отражается через актуализацию концепта «Стабильность» (15%): «С нами – надежно!»,

«КАМАЗ» – основа транспортной безопасности страны», «Надежные поставки. Всегда в движении навстречу новым задачам», «Ростсельмаш – крупнейший надежный работодатель». Объединяя интересы компании, сотрудников и страны, бренды подчеркивают надежность компаний как работодателя, который берет на себя долгосрочные обязательства по социальным гарантиям и устойчивости в кризисных условиях.

Выявлено, что HR-слоганы базируются на актуализации одного (42%) или взаимодействии двух концептов (45%), что обусловлено необходимостью построения лаконичной фразы, которую аудитории проще запомнить: 50% примеров находятся в диапазоне длины от 3 до 5 составляющих их слов. В качестве других особенностей слоганов, которые влияют на их мнемоническую эффективность, выделяем наличие внутренней рифмы: «Делами, не словами», «КАМАЗ – это каждый из нас»; контраст: «Разные люди. Один характер» или параллелизм элементов структуры: «Сохраняя настоящее, создавать будущее!». Экспрессивность реализуется посредством отраслевых метафор: «Работа высшей пробы» в слогане золотодобывающей компании Полус, образности и метафор «Аэрофлот – крылья мечты», «Найди свою орбиту – оставь яркий след!»; диалогичность через использование личных местоимений «Ты найдешь работу, с которой не захочешь искать новую»; эмоциональную окраску: «Приготовься к новым открытиям!» – восклицательный знак в качестве маркера передачи интонации на письме содержат 26% примеров; а также обращение к образу героя: «Стать героем СИБУРа. Амбициозные цели ждут своих держателей».

Среди доминирующих коммуникативных стратегий в HR-слоганах выделяются: стратегия сотрудничества (32 %), саморепрезентации (23 %) и лидерства (18 %). Стратегия сотрудничества акцентирует внимание аудитории на коллективной работе, взаимной поддержке и общих целях: «Создавайте ... вместе с нами», «Строим будущее вместе». С помощью стратегии саморепрезентации компании доносят уникальные преимущества будущим сотрудникам и интегрируют в коммуникацию миссию и ценности бренда: «Мы ценим тех, кто готов создавать технологическое будущее вместе с нами уже сегодня». В 27% примеров выделен тактический прием, который задействует различные виды стратегий – актуализацию названия кампании в слогане: «Прогресс – это мы!» в слогане агропредприятия Прогресс, и является инструментом акцентирования внимания на корпоративной идентичности [9]. Реализуя стратегию лидерства, компании позиционируют себя как ли-

дера отрасли или рынка и формируют ценностное предложение для соискателей: «Все для того, чтобы задавать высокую планку индустрии», «Колмар – один из лучших работодателей региона», «Станьте частью команды лидеров».

Выводы

Проведенное исследование HR-слоганов показало, как в слогане интегрируются концепты, коммуникативные стратегии, стилистические приёмы и прагматические установки. Разнообразие факторов формирования – от устойчивых стереотипов (стабильность, коллективность) до метафоризации

отраслевой специфики определяют их роль и как инструмента рекрутинга, и как способа трансляции корпоративной идентичности. В формировании слоганов наблюдается креативный синтез, соединяющий индивидуальные ценности сотрудников с глобальными целями отрасли или организации. Для усиления фатического воздействия используются слоганы, в которых сохраняется баланс между лаконичностью и образностью при создании запоминающегося образа HR-бренда, который поспособствует привлечению мотивированного персонала в компанию.

Список источников

1. Белоусова Н.П. Основные характеристики слогана как субжанра современного российского рекламного дискурса: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Самара, 2006. 16 с.
2. Борисова К.В. Использование современных технологий подбора при дефиците персонала на рынке труда // *Мировая наука*. 2025. № 1 (94). С. 34 – 38.
3. Вайрах Ю.В., Немировская Е.П., Бельская О.Г., Лиханова Н.А. Коммуникативные стратегии и тактики в HR-тексте // *Казанская наука*. 2024. № 11. С. 717 – 718.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Мансуров Р.Е. HR-брендинг. Как повысить эффективность персонала. С.-Пб.: «БХВ-Петербург», 2011. 142 с.
6. Муругова Е.Г. Команда как инновационный ресурс развития организации: условия эффективного управления командой // *Инновации в образовании*. 2010. № 10. С. 18 – 26.
7. Росстат. Численность безработных в возрасте 15-72 лет и уровень безработицы [Электронный ресурс] // *rosstat.gov.ru*. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/trud-3_15-72.xlsx (дата обращения: 22.01.2025)
8. Якина Я.И. Процедуры смысловых интерпретаций рекламных слоганов. С.-Пб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2018. С. 306 – 311.
9. Chiranjeev K., Leuthesser L., Rajneesh S. Got slogan? Guidelines for creating effective slogansev // *Business Horizons*. 2007. № 50. P. 415 – 422.
10. HH.ru. Краткий обзор рынка труда: май 2024 [Электронный ресурс]. hhcdn.ru. URL: <https://hhcdn.ru/file/17807033.pdf> (дата обращения: 22.01.2025)

References

1. Belousova N.P. The main characteristics of the slogan as a subgenre of modern Russian advertising discourse: author's abstract. dis. ... candidate of philological sciences. Samara, 2006. 16 p.
2. Borisova K.V. Use of modern recruitment technologies in case of personnel shortage in the labor market. *World Science*. 2025. No. 1 (94). P. 34 – 38.
3. Vayrakh Yu.V., Nemirovskaya E.P., Belskaya O.G., Likhanova N.A. Communicative strategies and tactics in HR text. *Kazan Science*. 2024. No. 11. P. 717 – 718.
4. Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
5. Mansurov R.E. HR branding. How to improve staff efficiency. St. Petersburg: "BHV-Petersburg", 2011. 142 p.
6. Murugova E.G. Team as an innovative resource for organization development: conditions for effective team management. *Innovations in education*. 2010. No. 10. P. 18 – 26.
7. Rosstat. The number of unemployed aged 15-72 years and the unemployment rate [Electronic resource]. *rosstat.gov.ru*. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/trud-3_15-72.xlsx (date of access: 22.01.2025)
8. Yakina Ya.I. Procedures for semantic interpretations of advertising slogans. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2018. P. 306 – 311.
9. Chiranjeev K., Leuthesser L., Rajneesh S. Got a slogan? Guidelines for creating effective slogansev. *Business Horizons*. 2007. No. 50. P. 415 – 422.
10. HH.ru. Brief overview of the labor market: May 2024 [Electronic resource]. hhcdn.ru. URL: <https://hhcdn.ru/file/17807033.pdf> (date of access: 22.01.2025)

Информация об авторе

Сосновский Д.А., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, sos-novskii.da@yandex.ru

© Сосновский Д.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 3 / 2025, Vol. 4, Iss. 3 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81.37:372.881

Семантизация слов как средство формирования языковой и речевой коммуникативной компетенции в процессе изучения русского языка как иностранного

¹ Терских Т.Ф.,

¹ Байкальский государственный университет

Аннотация: в статье рассмотрены особенности семантизации лексики в процессе изучения русского языка как иностранного. Проблема семантизации новых слов и особенно терминов продолжает оставаться актуальной в течение всего периода обучения иностранных студентов. В выборе тех или иных способов семантизации новой лексики большую роль играют такие факторы, как этап обучения, уровень владения языком; лингвистические факторы (характер слов: абстрактные, конкретные, многозначные) и психологические факторы: возраст учащегося, его языковые способности. Необходимо обратить внимание на методы преподавания РКИ, где важна коммуникативная компетентность иностранных учащихся.

Ключевые слова: семантизация, новые слова, термины, языковая и коммуникативная компетенции, языковая догадка

Для цитирования: Терских Т.Ф. Семантизация слов как средство формирования языковой и речевой коммуникативной компетенции в процессе изучения русского языка как иностранного // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 3. С. 59 – 62.

Поступила в редакцию: 18 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 19 мая 2025 г.

Semantics of words as a means of forming linguistic and speech communicative competence in the process of learning Russian as a foreign language

¹ Terskikh T.F.,

¹ Baikal State University

Abstract: the article examines the features of vocabulary semanticization in the process of learning Russian as a foreign language. The problem of semanticizing new words and especially terms continues to be relevant throughout the entire period of study for international students. Factors such as the stage of learning, the level of language proficiency, linguistic factors (the nature of words: abstract, concrete, polysemous) and psychological factors such as the student's age and language abilities play an important role in choosing certain ways of semanticizing new vocabulary. Keywords: semantics, new words, terms, linguistic and communicative competencies, linguistic guess. It is necessary to pay attention to the teaching methods of RCT, where the communicative competence of foreign students is important.

Keywords: semantics, new words, terms, linguistic and communicative competencies, linguistic guess

For citation: Terskikh T.F. Semantics of words as a means of forming linguistic and speech communicative competence in the process of learning Russian as a foreign language. Philological Bulletin. 2025. 4 (3). P. 59 – 62.

The article was submitted: February 18, 2025; Approved after reviewing: April 17, 2025; Accepted for publication: May 19, 2025.

Введение

При обучении русскому языку необходимо использовать методы, влияющие на становление языковой и «коммуникативной компетентности иностранных учащихся» [5, с. 277-280]. С целью формирования языковой компетенции используются два способа семантизации иноязычного слова: переводный и беспереводный. Выбор обуславливается рядом факторов, среди которых главными являются следующие: уровень языковой компетенции (умение владеть языком на момент обучения); психологический фактор (возраст обучаемых, мотивация изучения языка, личностные особенности и др.); условия преподавания (преподавание русского языка ведется в смешанной по национальной принадлежности группе или в однородной).

Материалы и методы исследований

Нельзя однозначно сказать, какой способ семантизации слов популярнее: переводный или беспереводный, так как среди методистов нет единодушного мнения об этом. Некоторые отдают предпочтение переводным способам, другие – беспереводным, третьи настаивают на гармоничном сочетании обоих.

Каждый из перечисленных способов имеет свои достоинства и недостатки: «беспереводные способы развивают языковую догадку, увеличивают практику в языке, создают опоры для запоминания (например, созвучность), усиливают ассоциативные связи. Вместе с тем они требуют больше времени и не всегда обеспечивают точность понимания. Перевод же экономичен в отношении времени, универсален в применении, но увеличивает возможность межъязыковой интерференции» [4, с. 4-12].

На выбор способа семантизации влияют лингвистические, психологические и методические факторы.

Когда рассматриваем языковые факторы, обращаем внимание на значение слова, его конкретность, относительность, знаменательность или служебность. Важны также его отношения с другими словами: синонимичность, антонимичность, его системные свойства.

При оценке психологических факторов учитываем возраст обучаемых и уровень языковых способностей.

Для методики важны последовательность этапов обучения, достаточный уровень владения языком, состав обучаемых, продолжительность введения новой лексики.

Мы выбираем беспереводный способ как способ универсальный. Можно использовать разно-

образные виды беспереводной семантизации слова:

- предметно-визуальная семантизация (коммуникативные задания). Этот прием особенно эффективен на начальных этапах обучения при работе над предметной лексикой. Например, в различных ситуациях показ предмета (ситуация «урок» – *карандаш, ручка, книга, учебник, тетрадь, маркер, доска*);

- наглядная семантизация (демонстрация рисунка, картины, фотографии, изображающих соответствующие предметы, жесты, действия, ситуации).

Средствами наглядности можно раскрыть значения глаголов движения, многих предлогов (*идти, ехать, нести, везти, вести; в-из, на – с, над-под...*), технические средства обучения (кинофильмы, слайды, видеофильмы).

3. Но наглядность не позволяет раскрыть значения слов, обозначающих абстрактные понятия («воздух», «молодость», «характер», «уметь», «прекрасный»), поэтому лингвистический способ раскрытия смысла является наиболее важным. Значения слова можно раскрывать средствами русского языка через:

- а) описание значения уже известными словами. Например, *кричать-говорить громко, переписать – написать повторно, еще раз, стульчик – маленький стул*;

- б) способ перечисления – используется принцип тематической группировки слов, Например, *семья – папа, мама, бабушка, сын, дочка; мебель – стол, стул, шкаф, кресло, диван; одежда: платье, рубашка, костюм, блузка, шарф, шапка, пальто*.

- в) синонимы и антонимы:

Неправда – ложь, – обман – вранье; веселое – радостное – улыбающееся – счастливое лицо; ремонтировать – чинить – приводить в порядок; добрый – злой, создавать – разрушать; спросить – ответить, тихо- громко;

- г) метафорическое значение обнаруживается через контекст: *дети играли в саду. Играть на скрипке, флейте. Играть первую скрипку. Вино играет. Улыбка играет на лице.*

Этот лингвистический способ семантизации используется на всех этапах обучения, а на продвинутом является основным, остальные становятся сопутствующими.

4. Наиболее сложным, но более осмысленным является раскрытие семантики слова через словообразовательную структуру.

Раскрытие семантики слова происходит через словообразовательную структуру слова.

Стоит отметить, что «на занятиях по чтению

можно формировать межкультурные лексические навыки» [7] при семантическом словообразовании от фразеологического оборота. В этом случае опускаются «лишние» грамматически зависимые слова, но при этом значение фразеологического оборота сохраняется.

Этот способ применяется в продвинутых группах, когда учащиеся уже имеют определенный лексический запас, знание основных словообразовательных моделей и значения словообразовательных морфем, что позволяет вывести значение слова из известных ранее элементов: *смотреть* – *смотрины*; *жениться* – *женех*; *море* – *морской*; *люди* – *людской*; *стол* – *настольный*; *лень* – *ленивый*; *папа* – *папин*; *спасать* – *спасатель*. Также «учащиеся могут вывести значение из лингвистического и ситуационного контекста» [3, с. 34.].

Собственно лингвистические способы дают возможность толковать более глубоко и осмысленно значение слова и способствуют развитию языковой догадки.

Результаты и обсуждения

Выбор метода семантизации зависит от характера слова, этапа обучения и уровня обученности. Подведем итог.

Использование наглядности предполагает демонстрацию предметов или их изображений, показ действия и называние его. Такой вид семантизации популярен среди студентов начального уровня.

Использование контекста позволяет выявлять и определять характер слова, опираясь на семантику соседних слов. Языковое прогнозирование необходимо развивать уже на начальном этапе обучения.

Синонимия используется чаще всего, так как в русском языке богатый набор слов, обозначающих почти то же самое понятие.

Способ подбора родового понятия особенно актуален на начальном этапе, он позволяет студентам упорядочить полученные знания. На продвинутом этапе «важна проблема связи содержательно-смыслового компонента и языкового (лексико-грамматического оформления при выражении мысли, с одной стороны, и при ее восприятии и понимании, с другой» [6].

Применение таких языковых кейсов на практике необходимо «для повышения мотивации студентов к изучению иностранного языка» [2].

Выводы

Таким образом, преподаватель обладает большим набором средств семантизации слов в процессе обучения иностранцев русскому языку. Выбор их зависит от конкретных условий обучения и в большой степени от состава обучаемых.

По мнению Щербы, такая работа «может помочь осознанию родного языка, ... по-новому взглянуть на давно знакомое и привычное в родном языке» [8].

Список источников

1. Антипина И.А. Применение методов интерактивного обучения в процессе использования приемов и упражнений по обучению лексическому материалу на практических занятиях по иностранному языку (на примере китайского языка). 2021. Т. 12. № 3. 8 с. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/2046825802/?page=3&*=flz4dlF (дата обращения: 12.12.24)
2. Бимакова Р.Р., Максимова Н.В. К вопросу об использовании языковых кейсов в учебно-методических комплексах в преподавании РКИ // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. № 3. С. 36. URL: <https://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=25383> (дата обращения: 13.12.24)
3. Вятютнев М.Н. Обучение иностранному языку в начальной школе // Иностранные языки в школе. 1990. № 6. С. 34.
4. Гальскова Н.Д. Раннее обучение иностранным языкам: проблемы и перспективы // Иностранные языки в школе. 2020. № 11. С. 4 – 12.
5. Гатаулина Л.К. О некоторых методах преподавания на занятиях по РКИ // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 14. С. 277 – 280.
6. Костомаров В.Г. Митрофанова О. . Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 2011. URL: <https://reader.zlibrary.sk/read/b309cb7ce8a42228647de402adc897d3a8f083bd8c9> (дата обращения: 13.12.24)
7. Ургамал Р., Сэрээнэн Ц. Развитие межкультурных лексических навыков у монгольских студентов-филологов при обучении чтению (по теме «Юрта»). <https://web.archive.org/web/20211208061751/http://grr-bgu.ru/reader/article.aspx?id=24724> (дата обращения: 15.12.24)
8. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в школе. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 148 с. URL: <https://urait.ru/bcode/566972> (дата обращения: 15.12.2024)

References

1. Antipieva I.A. Application of interactive teaching methods in the process of using techniques and exercises for teaching lexical material in practical classes in a foreign language (using the Chinese language as an example). 2021 Vol. 12. No. 3. 8 p. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/2046825802/?page=3&*=fIz4dlF (date accessed: 12.12.24)
2. Bimakova R.R., Maksimova N.V. On the use of language cases in educational and methodological complexes in teaching Russian as a foreign language. Baikal Research Journal. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 36. URL: <https://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=25383> (date accessed: 13.12.24)
3. Vyatutnev M.N. Teaching a foreign language in elementary school. Foreign languages at school. 1990. No. 6. P. 34.
4. Gal'skova N.D. Early teaching of foreign languages: problems and prospects. Foreign languages at school. 2020. No. 11. P. 4 – 12.
5. Gataulina L.K. On some methods of teaching in RKI classes. Bulletin of the Kazan Technological University. 2012. Vol. 15. No. 14. P. 277 – 280.
6. Kostomarov V.G. Mitrofanova O. Methods of Teaching Russian as a Foreign Language. Moscow: Russian Language, 2011. URL: <https://reader.zlibrary.sk/read/b309cb7ce8a42228647de402adc897d3a8f083bd8c9> (date of access: 13.12.24)
7. Urgamal R., Sereenen Ts. Development of Intercultural Lexical Skills in Mongolian Philology Students When Teaching Reading (on the Topic “Yurt”). <https://web.archive.org/web/20211208061751/http://grr-bgu.ru/reader/article.aspx?id=24724> (date of access: 12.15.24)
8. Shcherba L.V. Teaching foreign languages at school. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 148 p. URL: <https://urait.ru/bcode/566972> (date of access: 12.15.2024)

Информация об авторе

Терских Т.Ф., кандидат филологических наук, доцент, Байкальский государственный университет, tirskich@mail.ru

© Терских Т.Ф., 2025